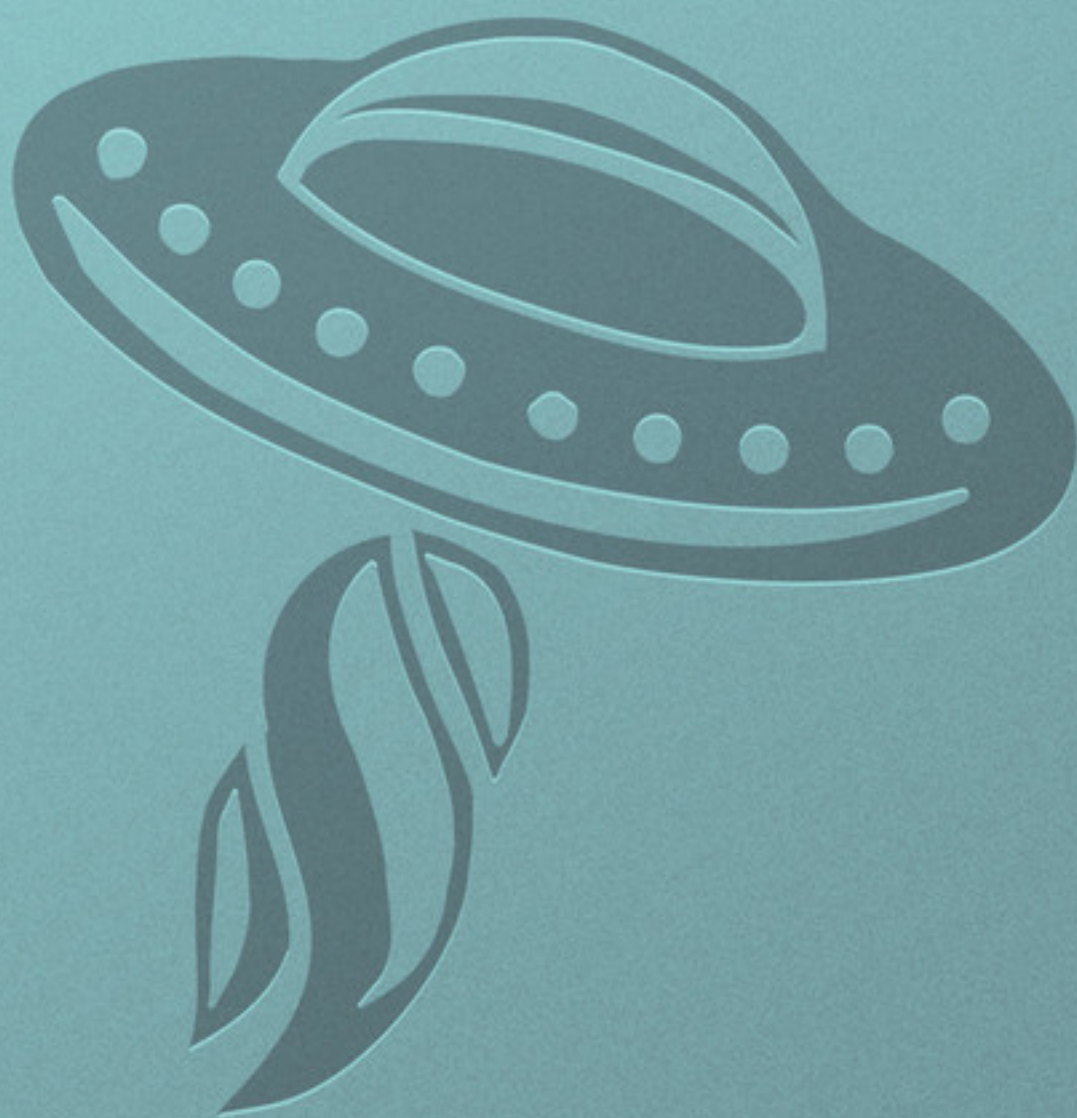

Сергей Герасимов

Помни о микротанцорах

Сергей Герасимов

Помни о микротанцорах

«Автор»

Герасимов С. В.

Помни о микротанцорах / С. В. Герасимов — «Автор»,

© Герасимов С. В.

© Автор

Содержание

1	7
2	21
3	31
4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сергей Герасимов

Помни о микротанцорах

Был поздний вечер. Луна висела над морем спинкой вниз, толстая и неуклюжая, как большая желтая лягушка. Черный контур близких гор был четким, как аппликация на фоне зеленоватого неба. Сезон еще не начался и людей в городе было немного. Вдоль всего пляжа расположились маленькие открытые кафе, некоторые из них уже работали круглосуточно. Играла электронная музыка.

Холодный ветер пах солью и йодом.

Вдруг послышался шум. Автомобиль, стоявший на набережной в смоляной тени старого платана, наклонился и поднялся на задние колеса. Гул нарастал.

Автомобиль перевернулся, легко отброшенный, будто спичечный коробок, чем-то невидимым и мощным. Сейчас на месте машины поднималась округлая темная фигура.

Из-за тени разглядеть детали было невозможно, но фигура двигалась и двигалась быстро, в то же время оставаясь на месте. Это движение напоминало бессмысленный неуклюжий, кошмарный танец.

По улице молча бежала женщина. Глаза, выпученные от ужаса, волосы, присыпанные мельчайшими красными искорками светящейся пыли, тело, светящееся едва видимым голубым контуром под прозрачным платьем – обычная ночная косметика курортного города. Женщина споткнулась, упала, поднялась и скрылась в переулке.

Фигура увеличивалась и гул становился слышнее. В приморском кафе выключили музыку и послышались крики. Вдруг задрожала почва. Почва плыла, уходила из-под ног. Ночные роботы-уборщики уже валялись на дорожках, проворачивая в воздухе бесполезные колесики. Несколько автомобилей скользили вдоль наклонной набережной так, как будто она была ледяной. Люди бросились на улицу; и вдруг людей оказалось неожиданно много. Никто не понимал, что происходит, большинство кричали о землетрясении. Несколько человек успели снять это событие, но съемки производились издалека, из нагорной части города. Электричество внизу, у моря, быстро отключилось и происходящее освещалось лишь светом луны и разноцветными ночными панелями трех приморских небоскребов. На пленке видно нечто огромное и округлое, вращающееся как волчок и при этом быстро растущее.

Когда фигура выросла размером с десятиэтажную гостиницу «Олимп», от нее начали отрываться куски и разлетаться во все стороны. Сама гостиница, стоявшая неподалеку, к этому моменту уже разрушилась, развалилась, превратилась в груды каменного мусора. Здания продолжали падать, хотя в верхней части города не было никаких толчков – лишь ухала земля и сотрясался воздух, когда падал очередной особняк или многоэтажный дом.

Кемпинг «Магнолия», пустой по причине внесезонья, стоял среди леса, на склоне. Из людей здесь был только сторож, который смотрел телевизор сидя на скамейке, под гигантскими зонтичными рабинами. Сторож жевал пластинку симулятора вкуса. Телевизор в ту ночь был нестерпимо скучен и сторож включил генератор анекдотов. Минут через десять он задремал, усыпленный глупостью.

Вдруг он проснулся и вначале не понял, куда он попал. Телевизор молчал, тихо шуршали ночные роботы-уборщики, но фонари-контрольки, слабо освещавшие спортплощадку и территорию за ней, теперь погасли. Над деревьями светили только звезды да еще небо со стороны моря подсвечивалось невидимой отсюда луной. В городе что-то происходило. Был слышен низкий гул, как будто гул очень большого двигателя, работающего на низких оборотах. Затем послышался удар, дважды отразившийся эхом от гор. От удара дрогнула земля. Сторож прислушался – с опозданием донесся длинный шипящий звук непонятной природы. Затем он услышал свист.

Это было похоже на метеор. Черный камень упал с небес, срубив верхушку большой магнолии. Камень, вращаясь, упал на волейбольную площадку и вырыл дыру в метр глубиной. Камень вертелся еще несколько секунд, затем замер. Сторож медленно приблизился и включил фонарик. Камень был величиной с диван; сторож оледенел от удивления – это не был обычный метеорит, это была каменная человеческая ладонь, искаженных пропорций, без трех пальцев, но все-таки ладонь.

От ладони веяло жаром; чтобы проверить, горячая ли она, сторож плюнул, но не попал, потом сходил за чашкой остывшего кофе и выплеснул бурду на метеорит.

Жидкость зашипела и превратилась в пар. В этот момент послышался тихий писк на очень высокой ноте и ладонь шевельнулась. Она пошевелилась еще раз, затем подпрыгнула и продолжала двигаться, переворачиваясь. Она начала расти и с каждой секундой росла все быстрее. Сейчас это уже была не ладонь, а просто бесформенный, быстро движущийся кусок камня. Сторож бросился бежать, но упал.

Он попытался встать и не смог, земля ушла у него из-под ног. С землей что-то происходило – на нее нельзя было опереться. Земля таяла, земля плыла, земля была жидкой и твердой одновременно. Сторож барахтался еще секунд пятнадцать, а затем его накрыла каменная волна.

Военные вертолеты появились над городом только через сорок минут. События развивались так быстро и так неожиданно, что военным просто никто не сообщил.

Несколько звонков на пограничную морскую базу были совершенно невразумительны: звонящие не могли объяснить, что происходит и чего они хотят. Наконец, военные всполошились и послали вертолет. Вертолет опустился слишком низко и был сбит электрическим разрядом. Местность внизу уже ни капли не напоминала город – это была каменная пустыня, пустыня огромных движущихся валунов. При этом камни оказались наэлектризованы. Разряд статического электричества желтой шипящей молнией ударил в вертолет и машина упала в море, которое кипело у берега в облаках пара. За первым вертолетом прибыли еще шесть.

К рассвету все успокоилось. Прошел небольшой дождь и, когда солнце поднялось над морем, его лучи окрасили рваные облачка пара в светло-розовый цвет. Пар поднимался над остывающими камнями, над тем местом, которое еще вчера было городом.

Полиция сработала оперативно: уже к утру был захвачен человек, звонивший, чтобы сообщить о теракте. Это был карлик ростом девяносто семь сантиметров.

Карлик имел голос, крикливый и будто птичий, и восточные черты лица.

По-английски он говорил без акцента. На следующий день задержали было еще двоих сообщников, но те успели проглотить яд. Карлик, очевидно глава этой маленькой группы, вел себя нагло и вызывающе. На допросе он плюнул полицейскому в лицо.

В результате его избili до полусмерти, точнее, до такого состояния, когда ни о каком дознании не могло быть и речи.

В тот же день пришел недвусмысленный приказ этим делом больше не заниматься. В газетах сообщили о локальном землетрясении, уничтожившем приморский городок. Свидетелей, видевших происходившее в ту ночь, осталось совсем немного: все жители городка и окрестностей покоились под двенадцатиметровым слоем камней. Карлик так и не пришел в себя. Его полумертвое тело погрузили в вертолет и отправили в неизвестном направлении.

Неделю спустя в горах, в десяти километрах от города, обнаружили полуживую женщину в рваном платье и с остатками вечерней косметики. Женщина заблудилась и застряла на горном склоне, в лесу, среди крапивы высотой в человеческий рост.

Женщина заикалась и стучала зубами о стакан. Позже, когда она пришла в себя, то рассказала, что видела в ту ночь движущуюся каменную фигуру человека с тремя руками. По ее словам выходило, что каменное трехрукое нечто поднялось из-под земли, отбросило в сторону автомобиль и сразу же погналось за ней.

1

Палеопарк открыли всего несколько лет назад, но выглядел он так, как будто стоял не первое столетие. Впечатление создавали старые виноградные лозы, старые деревья и еще более старые пеньки, принадлежавшие, как казалось, древним лесным великанам, – на некоторых даже разместились ларьки, трапецевидные, в косую полосочку, но большинство пеньков имели для этого слишком неровный срез.

Конечно, это все было лишь генетической имитацией. В ларьках продавали фрукты со вкусом мороженого, фрукты со вкусом шоколада и даже со вкусом бифштекса с кровью. Впрочем, продавали и натуральные фрукты.

Сейчас в парке строили клетку для большого животного, очень большого, судя по высоте сетчатого потолка и по толщине стальных столбов опор. Сверкала и трещала электросварка, роботы-сварщики, похожие на диковинных черных кошек, со скоростью ласточек носились по металлическому остову, замирая на мгновение здесь и там среди осыпающегося фейерверка ослепительных огненных брызг. Грязные труженики, ругаясь, устанавливали стандартный видеоплакат о вознаграждении за поимку клона или хотя бы за успешный донос. Четырехмерный плакат был устроен так, что всегда смотрел прямо на тебя, с какой бы стороны ты не подошел. Плакат изображал уродливого клона с непомерно морщинистой человеческой кожей, под которой ползало что-то отвратительно бесформенное, – хотя каждому ребенку известно, что настоящие клоны выглядят не так.

Четверо босых жирных мужчин, потных, одетых лишь в длинные цветастые трусы, ходили по площадке перед большой клеткой и носили рисованные плакатики – очевидно, это были члены какой-нибудь лунатической секты. Один из четырех имел мегафон на шнурке.

Девятилетняя Мира пришла в парк с человеком, которого она называла отцом. Сейчас они стояли возле вольера с процератопсом – небольшим динозавром, покрытым костяными наростами, буграми, шипами и с коряжистыми пластинами вокруг шеи. Процератопс стоял, наклонив голову с клювом, похожим на копыто. Он прислонился всем телом к стальным рельсам оградки и изредка передвигался вперед или назад, переминаясь с лапы на лапу. Ржавые рельсы были вытерты до блеска с внутренней стороны – там, где животное терло их своим телом. Процератопс предпочитал медленно передвигаться по кругу, царапая рельсы пластинами. Так он проходил на своих четырех птичьих лапах по несколько сот кругов за день, убегая от бесполезности существования. Трава у ограды была вытоптана, и более-менее выщипана в остальных местах: процератопс любил зеленую траву и листья, но еще больше любил натуральные фрукты, которыми его и кормили шесть раз в день.

Сейчас три девушки примерно двадцати лет гладили сквозь прутья спину ящера.

Животное не возражало.

– А он не блохастый? – спросила одна.

– А почему он лысый? – Мортичка, ты не знаешь?

– У него волосики были посеченные и он их сбрил, – предположила третья, глупоглазая, веснушчатая, которую очевидно звали Морти – редким, но свехаристократическим именем, обозначавшим смерть.

По костяным пластинам древней бестии уныло и деловито ползали крупные мухи, с серо-черными клеточками на спинках; процератопс смотрел в землю спокойным философским взглядом и была в этом взгляде фундаментальная дистиллированная древняя тупость, тупость, будто выжатая из всяких пирамид, китайских стен и каменных палеокрасавиц с толстыми пузиками, – которую не увидишь сейчас даже в глазах лягушки, сонной курицы или рыбы – просто тогда глаза были предназначены не для выражения чувств, а лишь для фиксации солнечных брызг, блеска листвы, и неосторожных движений убийцы, который подкрады-

вається к кладке твоих пятнистых, кожистых, теплых яиц. И все же казалось, что в этих глазах, довольно больших, отражается тоска по тому запредельному миру, который когда-то был своим – но это лишь казалось.

– Папа, ему нравится, когда его гладят? – спросила Мира.

– Ему все равно.

– Ты уверен? Они никогда не гладились?

– Никогда.

– Это скучно.

– Они ели и размножались. Они были просто машинами для еды и размножения.

Очень хорошими машинами, потому что сумели прожить намного дольше нас.

– Жизнь все-таки туманная штука, – загадочно выразилась Мира, бросила в траву обертку от мороженого (обертку сразу же подхватила шустрая зеленая робот-мышка, схватила и утащила в подземный мусоропровод) и отошла к другому вольеру. Там виднелась пещерка, сложенная из каменных блоков; полянка, заросшая травой метровой высоты; деревья – такие густые, что казались сплетенными в бугристый зеленый ковер – и справа тенистый, будто бархатный, пруд со множеством водомерок и водой, подернутой матовой пленкой – осевшей пыльной цветущих трав.

В пруду заливалась песней одинокая громкая лягушка, не изменившаяся за сто миллионов лет.

Ветви раздвинулись и на поляну вышел ящер. Этот был немного крупнее и значительно быстрее в движениях. Этот ходил на двух лапах, имел длинную шею и тонкий длинный хвост. Пальцы на его передних лапах, больших и сильных, шевелились с бессмысленной настойчивостью пальцев новорожденного ребенка.

Кто-то из-за ограды бросил ему палочку печенья и он поймал ее костлявым клювом на лету – так ласточка ловит муху.

Кучка мальчишек начала орать и дразнить ящера; тот повернул голову и наклонил ее, как утенок, может быть, пытаясь понять. Мальчишки, пошлые, как большинство мальчиков во все века, покривлялись и отошли, цедя баночки пива.

Они пришли сюда, чтобы сбежать от взрослых, а рептилии их не интересовали. Еще лет десять назад все было иначе: палеопарки воспринимались как нечто чудесное, газеты рассуждали о великом прогрессе человеческого гения, о воскрешении всех мертвых видов, и даже о возможном воскрешении умерших родственников, но теперь все это, включая родственников, людям надоело. Один из мальчиков, насосавшись пятиминутного алкоголя, разрешенного подросткам (распадается в крови за несколько минут), бросил на дорожку бумажки и пытался раздавить ногами быстро шныряющих роботов-мышек. Мышки успевали уворачиваться и делали свое дело.

– Вам морочат голову! Все эти звери ненастоящие! – выкрикивал лунатик с мегафоном. – Поднимайтесь с нами против осквернения природы! Это не динозавры! Это выдуманные шизофренические драконы! Вас обманывают! Если они посмеют слепить большого дракона, мы обещаем его выпустить на волю! Чтоб он сожрал этих подлецов! Нет генетическим выродкам! Присоединяйтесь к акции протеста!

На огромной высохшей акации сидели грифы, совершенно черные на фоне сияющего неба; их было так много, что на верхних ветвях не осталось свободного места; вот один из них расправил широкие крылья и сделал в воздухе плавный круг, – юные кролики в вольере сбились в кучку и прижали уши от страха. Впрочем, пройдет неделька и их все равно скормят голодным хищникам.

Мира с отцом вышли из парка и подошли к стоянке мобов. Мира была маленькой худенькой девочкой, с острым носиком, хитрой улыбкой и совсем маленькими стеклышками очков.

Очками она пользовалась лишь для чтения, и обычно смотрела поверх них, наклоня голову. На стоянке осталось еще четыре моба; они выбрали синий, с красной надписью: «Помни о микротанцорах!», и отец бросил в прорезь два жетона. Мобы были самым удобным городским и пригородным транспортом, исключая, конечно, скоростное метро: они управлялись со спутника и достаточно было лишь указать место на карте города, чтобы спутник начал вести моб с максимальной разумной скоростью и по наилучшему пути. Любые столкновения или аварии были исключены, потому что спутник контролировал все движение в городе, кроме нескольких автострад, где еще разрешалось пользоваться обычными автомобилями, попадать в пробки и ломать себе кости в неизбежных авариях. Весь транспорт в городе был электрическими, поэтому воздух здесь был так же чист, как и в любом экологическом заповеднике. Даже еще чище, потому что большие города оборудовались подземными системами для дополнительной очистки и кондиционирования воздуха и воды. Реки кишели рыбой и воду из любой лужи можно было пить, не опасаясь болезни или отравления.

Моб шел по автостраде со скоростью ста сорока миль в час. В стороне проносилась темная стена больших деревьев. За лесом поворачивалась решетчатая башня космического лифта, остановленного год назад, но все же успевшего замедлить вращение земли на несколько стомиллионных долей секунды. Мира приклеилась носиком к стеклу и смотрела вдаль. Вдруг она вздрогнула и отодвинулась от стекла – как будто кто-то бросил ей в лицо горсть песка.

– Что случилось? – спросил отец.

– Нет, ничего, – соврала Мира.

– Ты опять пробовала соль?

– Нет, не пробовала, отстань, в самом деле.

Она снова прислонилась к стеклу, но теперь она видела не только деревья: на фоне пейзажа проносились быстрые красные, будто из артериальной крови, стрелки – большинство из них направлялись сверху вниз, под небольшим наклоном, как дождевые капли. Эта иллюзия означала приближение еще одного приступа. Мира была больна и знала об этом. Чтобы держаться в норме, ей нужно было принимать лекарство и никогда не пробовать соли. Но лекарство, вазиразин-три, было почти невозможно достать, потому что болезнь ее была такого сорта, что к врачу с нею не пойдешь: каждый врач обязан задержать больного и сразу же оповестить полицию. Или департамент борьбы с генетической преступностью, ДБГП, который занимался специально такими случаями и даже регулярно расклеивал листовки в разных местах города. А соль, такая доступная для всех, такая белая и рассыпчатая, была ее постоянной мечтой. И Мира пробовала каждый день по нескольку крупинок, спрятавшись в спальне и сосредоточившись для лучшего ощущения и запоминания вкуса.

Департамент борьбы с генетической преступностью, городской отдел ДБГП, располагался в старом пятиэтажном здании на берегу реки. Выглядел он довольно мирно: маленькая парадная дверь выходила на аллею, по которой смог бы подъехать разве что небольшой моб, никак не грузовик. Грузовики с зарешеченным окошком подъезжали всегда к заднему крыльцу. Здание имело внутренний двор, куда порой выпускали погулять заключенных, но делалось это редко, только по праздникам. Здешние заключенные могли обойтись и без прогулок.

Большинство инспекторов работали с бумагами; посетителей здесь не принимали; заключенными и подозреваемыми занимались лишь на первом этаже, в левом крыле здания, в специально оборудованных кабинетах. Здесь же, рядом, имелось две пристройки без окон: большая – изолятор на сорок пять мест; маленькая – помещение генетической экспертизы. Пристройки связывались двумя подземными коридорами.

Сегодня старший комиссар Реник разбирал случай, который поначалу показался не интересным. Подозреваемый, некто Дюдя, толстый коротышка с глазами побитой собаки, был напу-

ган до того состояния, когда любой осмысленный разговор становится невозможен. На него донесли соседи, сообщив, что Дюдя занимался недозволенными генетическими экспериментами. При обыске обнаружили стандартное оборудование для генетической модификации, но это еще ни о чем не говорило. Преступными считались лишь эксперименты с людьми или с тканями (жидкостями) человеческого тела – но посетители к Дюде не заходили, а человеческих тканей в доме не нашли. Конечно, Дюдя мог экспериментировать и на самом себе – так сейчас и поступали многие идиоты, автомодификанты, пытающиеся создать из себя сверхчеловеков. Но Дюдя на сверхчеловека не походил.

Автомодификанты обычно узнавались с первого взгляда: в основном они пытались развить в себе супермозг, но, заодно, изменяли и тело. Они пытались сделать себя высокими, сильными и красивыми. Как правило, они не были профессионалами и поэтому всегда ошибались – их тела имели заметные дефекты.

Да и настоящая точечная модификация была слишком сложна почти невозможна даже при всей современной технике.

Вот, например, на прошлой неделе Реник допрашивал автомодификантку с абсолютной памятью и с почти кошачьими вибриссами на лице. Вибриссы она, конечно, сбивала, но ведь такое все равно не скроешь. Ей грозило три года и обратная модификация, которую не всегда делали аккуратно. Ничего не поделаешь – каждый сам кузнец собственного несчастья.

– Я больше не буду, – стонал Дюдя.

– А никто и не позволит, – ответил Реник. – А теперь руку вот сюда.

Ладонь правой руки.

– Что это?

– Этот аппарат вас успокоит.

– А может, меня отпустят?

– Тогда я сделаю это насильно.

С этим доводом Дюдя согласился. Он положил руку на ладонный контакт и вздрогнул. Ощущение, подобное щекотке или легкому покалыванию. На самом деле миллионы тончайших силиконовых биосенсоров входят под кожу, находят нервные окончания и подсоединяются к ним. Так подсоединяют к телефонной сети подслушивающее устройство. Сенсоры читают нервные электропотенциалы, настраиваются и начинают вырабатывать противоположные. Любое нервное напряжение гасится за сотые доли секунды.

Теперь, контролируемый аппаратом, Дюдя сидел прямо, как проглотивший палку, и отвечал бесцветным металлическим голосом. Эмоций в нем было не больше, чем в спинке стула. Впрочем, никакой аппарат не мог гарантировать, что он говорит правду.

– Итак, вы не работали с людьми? – спросил Реник.

– Нет, только с растениями и птицами.

– Что вы делали с растениями и птицами?

– Я сделал следящую систему.

– Из фасоли?

– Нет, из канарейки. Вначале из канарейки, потом из других птиц.

– Как?

– Все, что видела или слышала птица, передавалось ко мне на экран вриска или на телеэкран. Птицы маленькие, их никто не прогоняет и никто не стесняется.

Никто не ожидает, что птица может за вами следить.

– Получилось?

– Я совершенствовал систему три года. Сначала птицы просто улетали, потом я догадался ставить на лапку управляющее устройство, такое, знаете, как используется для быстрой дрессировки собак. Я специально заказал маленькое.

– За кем вы следили?

– За девушками. У моих соседей есть дочь, которая любит ходить голой. Она приглашает подруг и те раздеваются вместе с ней.

В этот момент комиссар понял, что Дюдя говорит правду: с его внешними данными и характером за девушками можно только подглядывать. Но потратить три года на изготовление следящей системы?

– При обыске не нашли никакой аппаратуры слежения, – сказал Реник, – где она?

– Вот здесь, – Дюдя с трудом стащил перстень с толстого пальца. – Здесь управляющий чип, а птица сейчас сидит за окном и смотрит на нас. Если позволите, я покажу.

– Показывайте.

Дюдя набрал несложный код. Виртуальный экран развернулся в воздухе и показал стену, окно и в окне двух человек.

– Увеличить?

– Да. Насколько возможно.

Изображение увеличилось так, что Реник смог прочесть марку своего карандаша, лежащего на столе. Дюдя помахал себе рукой и экран повторил движение.

– У птиц очень хорошее зрение, – пояснил Дюдя, – а я старался увидеть все подробности. Вы понимаете? Я хотел все рассмотреть.

– Понимаю. Отлично сделано.

– Может быть, я смогу его запатентовать?

– Не думаю, – комиссар щелчком отключил успокаивающее устройство. Дюдя сразу осел на стуле, как будто из него вышел воздух. Сейчас комиссар улыбался, а это не предвещало ничего доброго.

– Почему вы так не думаете?.. – выдохнул Дюдя.

– Потому что мне не нравится форма ваших ногтей. Молчать, сволочь!

Комиссар хлопнул ладонью по столу, так, что Дюдя подпрыгнул на стуле.

Если Дюдя и собирался что-то сказать, то теперь он совершенно онемел. Сейчас комиссар улыбался совсем ласково.

– Я тебе расскажу, как было дело, – продолжил комиссар Реник, – ты бы никогда не смог создать такую хорошую систему слежения, если бы вначале не модифицировал свой мозг. Вначале ты форсировал свои изобретательские способности, а потом уже сделал систему. Но твои ногти тебя выдали.

– Я не...

– Молчать, я сказал! Я на своем веку видел сотню таких как ты. У нормального человека не бывает таких ногтей. Можешь не оправдываться, я тебя не слушаю. Сейчас тебя отведут на генетическую экспертизу, а уже потом я тобой займусь по-настоящему. Могу сразу рассказать, что с тобой будет. Во-первых, тебя стерилизуют, чтобы ты не смог завести детей и распространить испорченные гены. Если ты уже завел детей, их поставят на учет. А потом...

– Что потом?...

– Потом тебя накажут за то, что ты сделал.

Когда кричащего Дюдю увели, Реник подошел к окну и попытался разглядеть в листве птицу. Канарейка мирно сидела на ветке зонтичной рябины – красивейшего городского растения, чьи гроздья вырастают к осени до величины зонтиков. Он взял оставленный на столе перстень с управляющим чипом. Обыкновенная модель, надо же. С помощью таких штук обычно контролируют поведение собак и крупных домашних животных. Но система превосходна. Грех не использовать такую находку.

Дюдю пока можно подержать, допустим, в изоляторе. Сейчас лето, все в отпусках, интересоваться никто не будет. Да и потом тоже не будет.

Он поднял трубку и набрал внутренний номер генетической экспертизы.

– Как там мой воспитанник? Ага. Я так и думал. Давайте его для начала в изолятор, пусть посидит. Точно, все по полной программе.

Глаза птицы – такие острые, такие точные и, в то же время, такие незаметные. Удивительно, что никто не додумался до этого раньше. С помощью птиц можно будет следить за любым человеком в городе и не только в городе. Это открывает определенные перспективы. Во-первых...

Он повернул перстень и птица порхнула на подоконник. Желтая канарейка, с виду совсем нормальная. Наверняка модифицирован только мозг. Реник посадил канарейку на свою ладонь и поднес к лицу. Милая птичка. Глазки как черные бусинки, такие острые глазки...

Он одновременно видел и птицу и свое громадное лицо, светящееся на экране. Каждая морщинка, каждый пупырышек на коже увеличились тысячекратно и от этого казались уродливыми, как кожура королевского мандаринисса.

– Почему они исчезли? – спросила Мира, – Это была комета?

– Динозавры? Нет. Сказка про комету это для маленьких детей. Просто они стали не нужны. Помнишь тот гибридный фробус, который ты вырастила на окне?

Его самый сильный лист был величиной с тарелку. Но как только ты повернула растение и свет стал падать на другие листья, сильный лист сразу сморщился, пожелтел и опал. То же самое произошло с динозаврами. Все ненужное отмирает – так устроена природа.

Сейчас за окном моба уже шел настоящий дождь красных стрелок и некоторые полосы начинали выстреливать снизу вверх. Но вот уже минуту как стрелок не становилось больше. Может быть, приступа сегодня не будет. Надо лишь оставаться спокойной и не думать об этом. В этом вся трудность, почти невозможность: приступа не будет, если ты будешь спокойной и холодной как ледышка, но стоит чуть-чуть заволноваться и ты пропала: давление двести двадцать и все остальное тоже зашкаливает, красная тьма перед глазами и еще кое-что пострашнее, о чем можешь знать только ты сама.

Ее пальцы играли с золотым паучком-чесалкой.

– Но почему они стали ненужны?

– Потому что они были слишком сильными. Вырасти больше и сильнее они уже не могли. С этим ничего нельзя поделать, разве что изобрести фиберглассовые или титановые кости, которые бы смогли держать еще больший вес и большее ускорение.

Эволюция остановилась.

Паучок-чесалка пробежался по ее руке к плечу и остановился на шее, спрятавшись под волосами.

– И что, они стали сохнуть и умирать, как листок у фробуса?

– Так устроена природа. Если тебя нельзя сожрать – ты бесполезен и должен уступить место другому.

– Тогда почему не вымирают акулы?

– Хищные рыбы охотятся за своими мальками и поедают друг друга. То же самое делал и человек последний миллион лет: он постоянно воевал, и чем больше было войн, тем больше рождалось детей.

– Но теперь войн нет, – сказала Мира, – и никто нас не ест, и природа об этом знает. Почему мы не вымираем?

– Может быть, человек все-таки служит кому-то пищей. Может быть, нас все-таки кто-то ест.

– Кому мы по зубам?

– Какому-нибудь паразиту, который так хорошо замаскировался, что мы не можем его заметить. Нам кажется, что мы видим аварии, теракты, стихийные бедствия или эпидемии, а на самом деле он просто нас кушает и не разрешает себя увидеть. Войны нет, но люди ведь

пропадают каждый день. Самолеты падают, заводы взрываются, поезда сходят с рельс. И чем сильнее мы стараемся контролировать все это, тем больше катастроф. С каждым годом людей умирает больше. Теоретически, вполне возможно, что нас кушает некая невидимая тварь.

Или несколько тварей. Целый выводок, целый род. Что, страшно?

– Ты серьезно?

– Нет.

– А я серьезно. Этот твой монстрик, который прячется. А если вдруг я его увижу?

– Тогда он тебя скушает, прежде чем ты успеешь кому-то рассказать.

Моб подвез их к зданию лаборатории – довольно большому двухэтажному сооружению с эмблемой из четырех звезд, соединенных вершинами.

– Подождешь меня тут? – спросил отец.

– Нет, я с тобой, а то ты застрянешь на целый час, как в прошлый раз.

Они оставили моб на стоянке и вошли в ворота из черных витых чугунных прутьев. «Помни о микротанцорах!» – было написано люминисцентной краской на передней стене.

Гектор пришел за десять минут до назначенного часа. Двухэтажное здание лаборатории с большой эмблемой в виде четырех звезд, соединенных вершинами, было, по всей видимости, перестроенным детским садиком – из тех одинаковых, прямоугольных и безжизненных, которые расползлись по городу в конце прошлого века. Впрочем, годы и толстые виноградные стебли, ветвящиеся по стенам, придали строению мягкую солидность, свойственную лишь старым домам. Дом тонул в зелени.

Березы, клены, каштаны, более современные бауэрсы с их роскошными сетчатыми листьями. Блестящие, почти зеркальные листья гибридной арахноиды слепили глаза, как солнечная дорожка в жаркой дали курортного дня. За решетчатой оградой из настоящего металла здесь и там виднелись кирпичные фундаменты беседок, руины детских домиков, почти сглаженные временем, едва угадывающиеся под буйством трав и кустов. И здесь же, во дворе лаборатории, нелепый старик в теплой шапке кормил кур, – неуместный, как трактор на танковом параде.

Сегодня у него сильно болела голова – так, будто какой-то сумасшедший садист затягивал ее в тисках.

Он вошел и увидел коридоры, обшитые голубым пластиком, прозрачную панель передней стены, за которой уходила вдаль аллея широколистных лип, а над нею сияла гора ослепительно-белого облака, окаймленная еще более яркой, запредельно-белой кромкой. Ничего особенного внутри, кроме почти неощутимого запаха керосина; из этого здания еще десятилетия назад ушла душа; наверняка здесь была бухгалтерская контора, какая-нибудь инспекция, потом фирма по перепродаже трижды перепроданного, какой-нибудь клуб, который прогорел, и наконец, некто очень богатый купил оборудование и стены, чтобы создать собственный маленький био завод. Теперь заводик набирает штат.

А здесь точно был клуб, – подумал Гектор, – Еще не выветрилась атмосфера уютной объединяющей глупости.

– Ваш пропуск?

Охранник вытащил из уха слуховой генератор анекдотов и теперь выжидающе смотрел. Генератор продолжал пищать комариным голосом, выдавая кольцо за кольцом бесконечную цепь пошлых шуток.

– Давно переехали? – спросил Гектор.

– Две недели.

– Кто здесь был раньше?

– Общество вегетарианцев. Если вы к ним, то вы опоздали.

– Я к вам. Вроде бы наниматься на работу. Шеф у себя?

– Четвертый кабинет. На второй этаж, направо.

Шефу было пятьдесят пять или около того; с первого взгляда он производил впечатление матерого уголовника и ясные, умные глаза это впечатление лишь дополняли, создавая дополнительное измерение холодной жестокости, столь неосознанной, что могла сойти за простую решительность и силу воли. От него веяло холодком, как от работающего вентилятора. Этот человек не останавливается ни перед чем, – подумал Гектор, и это было началом другой мысли, гораздо менее плоской, может быть, даже предчувствия, но предчувствие вдруг сбилось, перестав скачивать информацию на полубите, и Гектор услышал вопрос:

– Как вы думаете, почему мы отправили письмо именно вам?

– Вам нужен специалист моего профиля, а я лучший, по крайней мере, в этом городе. Все эти люди были вегетарианцами?

Энштейн, Бернард Шоу, Толстой и Махатма Ганди – четыре карандашных портрета, выполненных очень профессиональной рукой, украшали стену кабинета.

– Наверное, – ответил шеф, – они висели здесь, когда я впервые вошел.

– Странно, что они не забрали портреты.

– Вегетарианцы?

– Да.

– Да мы их просто выгнали, – сказал шеф. – Эти вегетарианцы оказались дикими и злыми. Они отказались уходить. Одна старуха даже попыталась облить себя керосином. Там, в стекляшке, на первом этаже. Там еще до сих пор остался запах. В каждой комнате был просто лес комнатных растений. Половину я выбросил, а половину приказал высадить во дворе.

– А рысь?

– Рысь наша. То есть, моя. То есть, дочери. Она обожает зверушек.

Рысь лежала здесь же, в кабинете, на круглом белом столе; напряженно и злобно глядела на Гектора. Вполне домашняя короткохвостая пушистая кошечка с кисточками на ушах. Килограм на пятнадцать. Жарко, бедной, приоткрыла рот.

Еще бы – ее шуба хороша для сибирских морозов. Довольно дорогое удовольствие – держать таких зверей. Они все имеют генетический дефект: гены нарушены так, что хищник не может выйти за пределы геометрической фигуры – круга или квадрата. Эта сидит на круглом столике и круг держит ее получше любой клетки. Но если стол перевернется, она не пощадит никого, кроме хозяев. Или просто сбежит в лес. А в лесу, как известно, нет никаких кругов.

– Покупная, – сказал шеф о звере, – совсем не злая.

– Что-то не заметно.

– Она ни на кого так не реагирует. Только на вас. Она вас боится. Вы не работали с хищниками?

– Работал.

Открылась дверь и в комнату вошла девочка лет четырнадцати, с воздушным красным шарфом на шее.

– Пап, я тут посижу, ладно, пока ты закончишь? – спросила она. – На диванчике?

Она вытащила изо рта оранжевую пластинку симулятора вкуса, осмотрела ее и снова засунула в рот.

– Если не будешь мешать.

– Ну разве я не понимаю? Вы хотите посмотреть мой табель? – она обратилась к Гектору с невероятно детской непосредственностью и, пока он раздумывал над ответом, вручила табель ему. Смотрите, биологию не выставили. Это потому что я знаю биологию лучше всей этой несчастной школы. Я хочу ему помогать, и я уже могу помогать, а он считает меня ребенком. Я даже ассистировала на операции. А препараты я готовлю лучше всех. Уговорите его, чтобы он взял меня на работу.

– Но я даже не знаю, возьмут ли меня, – возразил Гектор. – Скорее всего ты будешь готовить препараты кому-то другому.

– Не-а, папа знает, кого приглашать. Если он пригласил вас, значит вы и есть самый нужный в мире человек. Это точно. Отвертеться не получится.

Когда Гектор ушел, Катя сняла шарф и положила его на стол. Шарф был метра два длиною, но почти не весил. Он опускался на стол как тополиная пушинка.

Девочка была в голубой кофте с мелкими искусственными алмазами на груди, которые создавали узор цветов и листьев; в муаровых обтягивающих брюках, которые вдруг, при каждом движении, на малую долю секунды становились прозрачны, а затем снова наливались плотной темно-травяной зеленью. На запястье – браслет, с настоящим вриском, последней модели. Такой стоит дороже среднего автомобиля.

Веснушки на переносице и щеках; длинные волосы; генетически модифицированные ресницы, черные и очень длинные; морщинки у глаз и на лбу; глаза немного выпучены; лак на ногтях наложен неаккуратно. Совсем ребенок.

– Что ты о нем думаешь? – спросил шеф.

– Я в него прямо влюбилась, – сказала Катя о Гекторе, – у него такая смешная борода. Обожаю бородатых мужчин, особенно блондинов. Это же такая редкость сейчас, он прямо как белый слон. Кажется, он добрый, но не слишком шустрый. Наверно, очень умный, будет помогать мне делать математику. Мы с ним подружимся. Но только есть одно маленькое «только». Не знаю, говорить или не надо?

– Говори, если начала.

– За ним следили. Два человека, мужчина и женщина. Мужчина в сером костюме, такой весь помятый, а женщина какая-то никакая. Они старались спрятаться, но я их увидела.

– Ты не ошиблась? – спросил отец.

– Трудно было ошибиться. Они шли за ним по пятам, просто землю нюхали, а когда он остановился у магазина, быстро отвернулись. Потом опять пошли. Они провели его прямо сюда, потом отошли за угол и стали разговаривать.

Мужчина злился и показывал рукой на двери.

– Вегетарианцы?

– Нет. Не они. Тех уродиков я хорошо помню. Это были совсем чужие, в том все и дело.

– Если нужно будет их опознать?

– Без проблем, рассчитывай на меня.

– Я не хочу, чтобы ты лезла в это дело, – сказал отец.

– Не преувеличивай. Как я смотрюсь? – она обмотала шарф вокруг шеи и села на стол.

– Прямо как Исидора Дункан.

– Звучит красиво. У нее тоже был шарф?

– Подлиннее чем твой. Она ехала на автомобиле, шарф намотался на ось колеса и задушил ее.

– Неужели так романтично? Это еще красивее, просто прелестно.

Обещаю не ездить в открытых машинах. И не проповедовать свободную любовь, как твоя Исидора. Разве что очень захочется.

– А что, хочется?

– О, еще бы! Но пока я держусь.

Вриск на ее руке тихо пискнул.

– Папа, это тебя, – четырехмерный виртуальный экран развернулся в воздухе.

– Что-то серьезное?

Вазиразин-три позволяет купировать приступы болезни Гордона. Лекарство дорогое, особенное если покупать его по нелегальным каналам. Вазиразин-три нельзя носить с собой, его можно держать лишь дома и в тайнике: если у тебя найдут это вещество, тебе грозит несколько лет тюрьмы. Это сейчас. А если все-таки будет принят новый кодекс о генетических преступлениях, то наказание станет гораздо строже.

Болезни Гордона не подвержены нормальные люди. Ею болеют лишь те, кто родился в результате генетического преступления. Поэтому и нельзя идти в клинику, поэтому ни один частный доктор не станет тебя лечить, даже если ты предложишь хороший гонорар. Поэтому, когда начался приступ, лекарства не было.

Капсулы с вариразином остались дома, в тайной нише в стене за ванной.

На этот раз все сложилось очень неудачно. Когда начался приступ Мира стояла одна в коридоре. Она закричала и побежала. Она потеряла ориентацию и ударилась о стену. На крик сбежались трое лаборантов; они втащили Миру в небольшую автоклавную, где обычно кипятился инструмент. Там они пытались ее удержать, но не справились и позвали на помощь. Тогда же подоспел отец и еще один, незнакомый ему светловолосый человек с пушистой бородой. Мира вырывалась так, что пятеро мужчин едва могли ее удержать. Во время приступов болезни Гордона мышцы приобретают такую силу, что могут сломать кости собственного тела.

В этом и была главная опасность, да еще в том, что кто-нибудь из знающих людей это увидит, а потом расскажет.

Судороги прекратились через шесть минут. Девочку, потерявшую сознание, положили на кушетку.

– Что это было? – спросил один из лаборантов.

– Эпилепсия, – ответил отец. – Спасибо за помощь.

– Ничего, пожалуйста. И что, разве нельзя вылечить? Вы уверены, что эпилепсия?

– Пока не получается. Эта форма не лечится.

– Злокачественная, что ли?

– Да, – ответил бородатый, – это точно, я в этом разбираюсь. Эпилепсия.

Отец посмотрел на человека с бородой и понял, что тот обо всем догадался.

Бородатый остался и после того, как лаборанты ушли.

– Я ваш новый коллега, – представился он, – зовите меня Гектор. Может быть, я буду заведовать первым блоком. Вы разрешите?

Он перевернул лежащую девочку на спину и осмотрел ее.

– Пупок на месте, – сказал он, – но вы ведь его смоделировали, правда? Эта девочка не человек. Она истинный клон первого рода. Я прав?

– У меня есть справка генетической экспертизы, – сказал отец. – Доказано, что она моя дочь.

– Поздравляю, – ответил Гектор. – Вы очень предусмотрительны. Но того, что я видел, достаточно. Я же не слепой. Ваша справка не делает ее человеком.

– Сколько вы хотите?

– Денег?

– Да, денег.

– Я не настолько беден, чтобы продаваться.

– Вы донесете?

– Нет. Если я донесу, ее усыпят. Я уже читал проект нового кодекса. Пускай она больна, но умирать ей хочется не больше, чем нам с вами.

– Я еще не читал, – сказал отец, – я не отдам ее.

Вошел шеф. Без стука, как всегда.

– Выйдите, – приказал он Гектору.

Вначале она потеряла ощущение собственного тела. Она знала, что тело есть, и что оно сейчас творит что-то страшное, но она не чувствовала этого. Время от времени сквозь разрывы в красном тумане она видела лица, часть потолка, который отчего-то дергался из стороны в сторону, но ничего не слышала. Потом исчезли и эти проблески. Она продолжала погружаться. Она чувствовала, как красный мутный поток несет ее куда-то. Сознание оставалось ясным, лишь поначалу каждая мысль стояла сама по себе, как обиженный ребенок, прячущий ручки за спину. От этого невозможно было ни о чем толком подумать.

Во время приступа болезни Гордона люди (или не-люди, или всего лишь генетические формации, по официальной версии) испытывают видения. Каждый видит что-нибудь свое. Никто не изучал этих видений и никто даже толком не интересовался ими, потому что с не-людьми особенно не церемонились. Какая разница, что чувствует их испорченный мозг в моменты сбоя? Мира всегда видела одно и то же: поезд. Сейчас она оказалась в слабо освещенном тесном вагоне без людей. Узкий проход – и полки с обеих сторон. Простые деревянные полки, на которых, если очень захотеть, можно сидеть или лежать. Никаких удобств, никакого комфорта. За окнами проносится ночь; равномерно вмахивает световой маятник придорожных фонарей; тусклый свет из окон выхватывает из черноты деревья, дороги, столбы; нет лишь людей, животных или домов, в этом мире их нет и никогда не было. Это пустой мир, в котором всегда ночь.

Она нашла себя лежащей на полу вагона. Это был металлический холодный пол, под которым гремели колеса. Все тело болело, как будто его долго били палками.

Вначале казалось, что она не сможет встать. Она лежала, прислушиваясь к грохоту поезда. Сейчас поезд проносился сквозь лес; это было слышно по звуку: звук мягко и плотно отражался от чего-то близкого. Она вначале приподнялась на колени, потом встала, придерживаясь за полку. Так и есть, за окнами пролетают деревья.

Она посмотрела на свои руки – ладони все в глубоких царапинах и порезах. Все выше – сплошной синяк. Она не хотела думать о том, как сейчас выглядит ее лицо.

Мысли уже пришли в порядок и стали слушаться.

Она знала, что любой приступ болезни Гордона может оказаться последним. Как бы ни возились люди там, далеко вверху, как бы ни старались оживить ее обезумевшее тело, у них может и не получиться. Но это был уже четырнадцатый приступ в ее жизни и она знала, что делать. Надо спешить. Спешить – это главное.

За те несколько секунд, пока она стояла, опираясь на столик, все изменилось. С грохотом упало несколько деревянных полок. Истлел матерчатый коврик на стене, облупилась краска, металл покрылся многолетней ржавчиной. Она отняла руку от столика и увидела, что пластик остался светлым лишь в том месте, которого только что касалась ладонь. Время в этом поезде было ускоренно в тысячи раз. Время продолжало ускоряться.

Она разогнула спину и увидела, как отодвинулся пол – сейчас она была высокой и взрослой. Еще минута – и она начнет стареть. Но вагон старел еще быстрее. Однажды, в позапрошлый раз, она чуть задержалась в таком вагоне – и увидела, как провалился пол, увидела бешено вращающиеся колеса у себя под ногами, потом треснула стена и в вагон ворвался ветер. В тот раз она едва успела сбежать.

Она быстро пошла по проходу. Так и есть. На последней полке стоит восковая кукла. Белая кукла из скользкого воска, кукла с человеческим лицом. На сей раз это лицо школьной уборщицы, которая накричала на Миру вчера. Кукла означает смерть. Завтра Мира узнает, что ненавистную уборщицу то ли хватил удар, то ли она вывалилась из окна, то ли напилась до смерти. Это неважно – важно лишь то, что каждая восковая кукла означала смерть. До сих пор Мира уже тринадцать раз попадала в этот вагон, тринадцать раз она видела восковую куклу со знакомым лицом и тринадцать раз тот человек умирал. Всякий раз это был человек, которого

Мира ненавидела. Если она ненавидела сильно, то кукла была большой. В этот раз кукла была совсем маленькой, величиной с обычную свечку.

Осмотрев куклу, она снова поставила ее на полку. Ее руки уже покрылись морщинами, кожа стала сухой и тонкой, будто бумажной, на коже проступили пятна.

Волосы, седые волосы цвета старого серебра, отрасли до пояса. Сейчас ей было лет восемьдесят, по земным меркам. Значит, в этот раз она снова задержалась.

Она сделала последний шаг и вышла в тамбур. Вагон позади нее разрушался.

Бешено ускорившееся время рвало на части непрочные стенки; вот исчезла крыша; вот остался лишь железный ржавый пол с остовами скамеек; кукла уже улетела в темноту, унося с собою чужую настоящую жизнь. Придорожные фонари уходили в пространство, очерчивая летящий вдаль световой хвост дороги. Вот треснул пол и от вагона осталась лишь передняя пара колес. Стоять в тамбуре стало опасно.

Мира открыла дверь и сквозь гремящую пустоту вышла в следующий вагон. Здесь она снова была ребенком, здесь ей снова было девять лет. Но тело еще помнило, что только что было старым, а память сохранила странные мысли, которые приходят в головы старухам.

Шеф подошел к шкафчику и достал шприц. Вынул красный тюбик из кармана халата и начал готовить инъекцию.

– Я вас предупреждал, что это не должно происходить здесь. Давайте, прижмите артерию.

Он сделал укол вазиразина, отодвинул стул от стола и сел. Отец остался стоять.

– Почему это происходит? – сказал отец, – Я никогда не мог понять, почему это происходит.

– Ну, вы знаете официальную версию. Это происходит потому, что истинные клоны не имеют души. Они ведь не рождались на свет, строго говоря. Поэтому некое таинство вселения души, совершенно неизвестное нам, не произошло или произошло не полностью. Или неправильно. И клонов боятся. Многие верят, что клоны приносят смерть.

– Но это же все ерунда.

– Разумеется. Но за этой ерундой стоит закон. Вы знаете, почему я до сих пор покрываю вас?

– Предполагаю. Вам нужна от меня некоторая услуга.

– «Некоторая» – не то слово. Серьезная услуга. Мне нужен человек, который ни в коем случае меня не предаст.

– Вы боитесь предателей?

Шеф молча отвернулся, отошел к окну и некоторое время стоял неподвижно, руки в карманах халата.

– Нет. Я их уничтожаю. Это я говорю сразу, чтобы потом не было вопросов.

– Если это будет в моих силах... Но этот человек, я забыл его имя, хотя он представился; он все видел и догадался.

– Бородатый?

– Да.

– Гектор Пушин. Новый заведующий первым блоком. Конечно, он догадался. Он же профессионал. Но я знаю его историю: он тоже не любит иметь дело с законом.

И он не из тех, кто сразу бежит доносить. И на крайний случай у вас есть акт генетической экспертизы.

– Что я должен сделать?

Шеф сел, втянул губы и постучал тюбиком по столу. Он раздумывал.

– Мы поговорим об этом через несколько дней.

Бородатый человек шел через сквер. За ним шел хвост. Метрах в пятидесяти позади него двигались двое: мужчина в измятом пиджаке и женщина средних лет.

Женщина все время смотрела в землю. Мужчина делал широкие шаги и взмахивал руками.

– Мне все время кажется, что за мной кто-то идет, – проговорила женщина с интонацией заводной куклы. – Кто-то за нами идет.

– Если кажется, читай молитвы.

Женщина остановилась и медленно повернулась назад.

– Никого нет, – сказала она. – Но я слышала шаги больших лап.

Она снова пошла.

– Кого ты слышала?

– Шаги больших лап.

– Это шуршали листья. Не выводите меня, я и так на пределе.

– Ты всегда так говоришь.

– Ты всегда так делаешь.

Женщина круто развернулась и ушла в боковую аллею. Там она остановилась у небольшой арены и стала слушать концерт Е-музыки: музыки, которую роботы-виртуозы исполняли настолько быстро и сложно, что человеческим ухом она воспринималась как неровный гул. Слушателями Е-музыки были только компьютерные системы – они сочиняли, исполняли и наслаждались, и все это без участия человека.

Мужчина ускорил шаг. Теперь бородатый человек был совсем недалеко.

Впереди никого, кроме двух автоматов по прогуливанию собак. «Помни о микротанцорах!» – написано на ближайшем из них.

Мужчина отвернул полу пиджака и достал оружие. Остановился.

Стал на одно колено и прицелился. Он заметно нервничал. Он кусал губу.

Внезапно ближайшая собака завизжала. Охотник не успел выстрелить: большие лапы толкнули его в спину.

Бородатый человек обернулся и увидел тело, подброшенное в воздух.

Раскинутые руки, нога, вывернутая, как у тряпичной куклы. Тело грохнулось на землю и осталось неподвижным.

– Моя собака этого не делала, – отдельно произнес ближайший прогулочный автомат, с надписью «помни о микротанцорах!» Он выгуливал зеленую болонку карманного формата. Болонка рвалась и визжала.

– Значит, это сделал кто-то другой, – сказал бородатый человек, отвернулся и пошел дальше. Тело охотника осталось лежать на узорной плитке. Оружие валялось здесь же. Иссиня-черные тени листьев лежали контрастно и неподвижно, как наклейки из матовой резины. Полу-денный жар был густым, как растительное масло и, несмотря на это, в замершем воздухе повисло ожидание дождя.

Мира пришла в себя. Отец был рядом: он сидел на кушетке и придерживал ее голову руками.

– Где мои очки? – спросила она.

– На них наступили.

– Я так и знала. Сволочи.

– Не ругайся.

– Где ты взял лекарство? – спросила девочка.

– Мир не без добрых людей.

– Вранье. Все злые жадные твари. И мы с тобой первые из них.

– Конечно, лапочка. Ты уже можешь встать?

- Могу, но не хочу.
- Кто умрет в этот раз? – спросил отец.
- Да так, знакомая тетя. Змеюка, между прочем.
- Ты всегда так говоришь. Тебе не страшно?
- Мне уже ничего не страшно, – ответила Мира, – если ты намекаешь, что это я их убиваю, то напомню тебе, что от меня это не зависит. Ни капельки не зависит.
- Но умирают всегда те, кого ты не любишь.
- Я не Христос, чтобы любить всех. Я не могу любить тех, кого я терпеть не могу.
- У тебя нет друзей.
- У меня был один друг, которого я ненавидела. Ты помнишь, что с ним стало.
- Я хочу понять, как это происходит и почему происходит, – сказал отец. – но это выше моего понимания. Ты же мне ничего не рассказываешь. Когда ты открываешь глаза после приступа, ты уже знаешь, кто умрет следующим. Откуда ты это знаешь? Что происходит с тобой там?
- Ты думаешь, что существует какое-то «там»? – спросила Мира.
- Скажи мне.
- Я никогда об этом не расскажу.
- Почему?
- Не знаю. Знаешь, чего я боюсь? Люди поймут, что это происходит вокруг меня. Сначала поймут, потом начнут бояться, потом догадаются.
- Мы переедем в другой город, прежде чем это случится.
- Я стараюсь быть доброй, – сказала Мира, – но я правда ничего не могу с этим поделать. Я даже думаю иногда, что если они меня поймают и ликвидируют, они будут правы. Это будет для них просто самозащита.
- Ты плохо выглядишь, – сказал отец и погладил ее волосы, – закрой глаза и отдохни. Ты моя спящая красавица.
- Бодрая уродина, ты хотел сказать. Я знаю, как я выгляжу. Я выгляжу как тварь с плаката об охоте на клонов.

2

С утра Анна зашла на выставку молекулярного дизайна, но не нашла для себя ничего нового. Генные дизайнеры и молекулярщики занимались все тем же самым: выращивали очередных нелепых уродов и объявляли свои творения биоабстракционизмом, биосюрреализмом и так далее. На самом деле, как казалось Анне, все это не имело прикладного значения и едва ли имело какое-то отношение к искусству. Молекулярный дизайн начался с работ японцев еще в конце двадцатого века, когда те стали выращивать кубические овощи. В кубическом арбузе или апельсине есть две стороны: во-первых, это уход от природных форм; во-вторых, это удобно для складирования. Молекулярный дизайн последующих лет развивался именно по этим направлениям: свободные художники выдумывали бесполезные, но причудливые формы, а прикладники изобретали то, чему можно найти применение. Но Анна понимала только прикладное искусство.

Впрочем, молекулярный дизайн уже давно перестал быть свободным творчеством одиночек. Первый скандал случился после изобретения прозрачной собаки. Такие собаки оказались очень агрессивны и научились пользоваться своей невидимостью.

Несколько экземпляров загрызли своих хозяев и сбежали в леса. Там они стали размножаться с катастрофической скоростью. Причем их агрессивность ничуть не уменьшалась. Собак удалось истребить только после двух с половиной лет «собачей войны», так это назвали газеты, причем многие люди погибли и очень многие остались калеками. После этого было запрещено разведение любых прозрачных животных, включая даже рыб и медуз. Несколько лет спустя все же произошло нашествие невидимых муравьев, очень кусучих, но эту вспышку удалось погасить без труда.

Сейчас дизайнеры изощрялись в изготовлении полуневидимых экземпляров. На выставке можно было найти собак с прозрачной спиной: были видны лишь исправно работающие сердце, легкие, кишки, под всем этим две пары лап. Были собаки видимые лишь наполовину спереди и наполовину сзади. Были особи с полосатой невидимостью, были с невидимой кожей. А одна даже виделась как отдельно существующие голова и хвост. Всех этих уродов хорошо покупали. Особенно дорого оценили плоскую собаку: при нормальном росте она была плоской как камбала – всего в два пальца толщиной. При этом она была хорошо адрессирована и приучена притворяться подстилкой. Девяносто процентов всех животных были разновидностями собак. Остальные – в основном свиньи и кролики. Растениями в последнее время интересовались мало.

Выставка проходила каждую пятницу на аллеях центрального парка. Пятница, первая половина дня – такое время выбрали специально, чтобы приходило поменьше праздных зевак. В последние годы выставки ориентировались больше на специалистов и коллекционеров. «Помни о микротанцорах!» – висели огромные лозунги над центральной аллеей. Но о микротанцорах Анна помнила всегда.

Сделав записи и снимки, Анна взяла моб и отправилась в лабораторию. Она любила свою работу, но лаборатория означала не только работу. Каждый раз, когда она входила в здание, почти каждый раз, она была вынуждена говорить с толстой уборщицей Уваровой, и эти разговоры никогда не доставляли ей удовольствия.

Уварова была еще молодой, сильной, энергичной женщиной. Полной, но не до безобразия. Она постоянно улыбалась, довольная жизнью, работой и собственной глупостью. Это существо, как ни странно, имело особенное зрение, особенную прозорливость, развитую за годы: Уварова всегда исхитрялась говорить именно о том, о чем собеседник говорить не хочет. Уварова была, по-своему, остра на язык, и горе тому, кто вздумал бы ее задеть или оскорбить – она могла так развязать свой рот, что даже шеф не желал иметь с нею дела. Впрочем, к шефу

она относилась с подобострастием. Все, что делала Уварова, было гадко; ей нравилось быть гадкой, но при этом она была проста и естественна, как дикарь, который обжаривает на палочке мозг убитого врага. К Анне она обращалась на «ты».

– Привет, не наступи на тряпку, – заявила Уварова, – сейчас я положу другую, эта чистая.

Опять опоздала, да?

– Нет, – холодно ответила Анна.

– Это ты шефу расскажешь, а я тебя вижу насквозь. У тебя сегодня новый начальник. Уже час как сидит и ждет. Два раза о тебе спрашивал.

Такой себе солидный и с бородой. Приятный мужчина. Ну проходи, чего ноги расставила. Я тебе не жених, а уборщица.

– Что вы себе позволяете?

– Если бы я себе позволяла, ты была бы бедная. Шучу я, шучу. Подержи здесь, я пока заверну эту проволочку.

Анна подержала.

– А ты на него смотри, – продолжала Уварова, – мужчина он нормальный, поверь мне. В случае чего, пригласишь на свадьбу. Тебе же уже двадцать четыре.

Или двадцать пять.

– Мне намного меньше, – холодно ответила Анна.

– Ну да, ну да, это ты кому-то другому расскажи. Я тебя вижу, как облупленную. Не обижайся, подруга, все ж мы бабы сволочи. На, возьми, считаешь.

И она всучила Анне какую-то брошурку. Брошурка называлась: «Ревностно борись за женское дело!». Трудно изобрести большую чепуху.

Новый начальник действительно оказался приятным мужчиной. В нем было что-то теплое и комнатное, как в большом сером пушистом коте, жмурящем глаза у батареи – и что-то сильное, как в сильном звере. Так как время было обеденное, он заварил чай и предложил печенье. Покупное, не домашнее, – автоматически отметила Анна. Было ему лет тридцать-тридцать пять, что совсем немного для мужчины. Он предложил называть себя Гектором, без всякого отчества, и Анна согласилась. Потом она рассказала о сотрудниках и даже слегка посплетничала, расслабившись. Гектор имел громкий голос и здоровый громкий смех. Он хорошо шутил, был абсолютным оптимистом и казался надежным, как банковский сейф.

Просто идеал руководителя. Ну, поживем – увидим, – решила Анна.

После обеда она стала поливать растения своей оранжереи. Оранжереей она гордилась.

– Молекулярный дизайн? – поинтересовался Гектор.

– Да, мои собственные разработки. Сейчас никто не интересуется растениями, а напрасно. Смотрите, вот эта цистия вместо плодов производит совершенно сферические шарики. Вот такие. А в живой природе ведь нет ничего шарообразного, шарообразность для жизни всегда была недостижима. Когда я подумала об этом, я решила это сделать. И я сделала это. Шарики очень прочные, как слоновая кость, наверняка их можно использовать.

– Но ведь все они разного диаметра, – заметил Гектор, – придется теперь изобретать кривые подшипники. Ну мы и такие изобретем специально для этого случая, правда?

– Ну и что? Если рассадить целую плантацию таких цистий, то можно набрать любое количество шариков любых одинаковых размеров. Главное то, что шарики идеально круглые, вы понимаете?

Гектор понимал.

– Я собираюсь разгадать секрет микротанцоров, – сказала Анна, – поэтому я занимаюсь растениями. Я работаю над этим уже полгода.

– Зачем?

– Мне кажется, – сказала она, – этот секрет гораздо страшнее и гораздо серьезнее, чем все думают. Я почти уверена.

Вечером она ассистировала ему на операции: лаборатория вела работы, связанные с регенерацией тканей. Гектор открыл стеклянную крышку ящика с мышами. Мышей было так много, что они сидели друг на друге. Белые, серые, с большими рыжими пятнами. Каждая задирала носик и смотрела школьным взглядом: «пусть вызовут, но только не меня». Гектор взял одну из мышей пинцетом за загривок, как берут котенка. Животное отчаянно визжало и сучило лапами.

– Вам ее не жаль? – спросила Анна.

– Конечно жаль, я ненавижу причинять боль, особенно таким крошкам. Но ей не будет больно. А что до жизни и смерти, то ее психическое содержание вполне стандартно и ничем не отличается от разума и памяти миллионов других мышей. Все равно что сжечь одну книгу из большого тиража. Это мы уникальны; каждый выходит тиражом в один единственный экземпляр. Притом напечатанный с ошибками. У них нет индивидуальной памяти.

– Но они же хотят жить.

– Они не живут, они существуют как шкаф или стул.

– Это жестоко.

– Еще бы. Но это наименее жестоко из всего, что я мог придумать. Вспомните Павлова с его собачками: он перекрещивал им нервы так, что у животного постоянно текла слюна. Оно могло или умереть от потери жидкости или вцепиться зубами в цепь, на которую его посадили, и висеть на этой цепи. Собачки предпочитали висеть и жить. Я их понимаю. Они висели на зубах по несколько суток подряд, без сна и отдыха. Потом им поставили милый памятник. Будь моя воля, я бы изваял вот такую собачку, висящую на цепи. А вы говорите – жестоко.

– Сейчас другое время, – заметила Анна, – сейчас люди стали добрыми.

– Разве? Сегодня на улице я видел танцующего человека. Он танцевал с закрытыми глазами, потом упал и продолжал танцевать лежа. Он сильно разбил себе голову, но продолжал танцевать. Я собирался ему помочь, хотя бы остановить кровь. Но прежде, чем я успел что-то сделать, подоспели парни из ДБГП. Я не хочу рассказывать, как они с ним обращались.

– Значит, это был генетический урод.

– Конечно, – ответил Гектор, доставая мышь из парализатора и прикрепляя ее на биоконтакт. Биоконтакт обеспечивал выживание при любых повреждениях организма. На биоконтакте можно было бы сохранить живой даже половинку мыши, или например, только ее голову.

Это была не обычная мышь, а клон одной из последних модификаций – яйцекладущий экземпляр. Такие откладывали яйца в кожистой нехрупкой коже и вскоре из яиц проклевывались настоящие мышата. С сожалением, второе поколение не могло размножиться дальше. На операции полностью вырезалась половая система мыши и включался механизм регенерации: неделю спустя мышь снова будет здорова и сможет откладывать яйца. Половая система – единственная, которую можно полностью удалить, не убивая животное.

Городской отдел ДБГП постепенно просыпался от летней спячки. Не то, чтобы вернулись сотрудники: двое из трех штатных работников все еще отдыхали у ближних и дальних водоемов. Начальство тоже не докучало; не было ни проверок с инспекциями, ни семинаров по повышению квалификации; до сих пор не ввели и новую форму отчетности. Но обстановка накалялась. Только вчера в городе задержали четырех танцующих человек. И еще одного – шесть дней назад. Самого первого доставили почти целым. Остальных хорошо помяли при задержании. Последний, с сотрясением мозга, еще не пришел в сознание. Но это совсем не важно. Важно то, что произойдет с этими людьми в ближайшем будущем.

Реник вошел в маленькую продолговатую комнату со сфероимитацией окна.

Комната находилась в подвале, но окно и солнечный свет, косыми полосами льющийся на пол, казались совершенно настоящими. В комнате стояла всего одна кровать.

Возле нее тумбочка. На кровати человек, прикрытый простыней. Тот самый танцующий, которого задержали первым. Сейчас он уже не танцевал, сейчас он был мертв. Из его тела – на груди, на ногах и шее – пробивались тонкие голубоватые ростки. Так, будто человек был засеянным полем. Пока – шестьдесят три ростка, но могут появиться и новые. Эксперты заверили, что это растение. Не гриб, не животное, не космический монстр – просто растение. Только вместо почвы оно использует нас.

Комиссар Реник был настроен мрачно. Назревали большие неприятности. Рассуждая формально, ДБГП здесь вообще не причем: усопший не был генетически модифицирован. Опыты же с растениями никому не воспрещаются.

Значит, танцующие люди будут переданны в распоряжение полиции и о них можно забыть. Но Реник чувствовал, что этим дело не кончится. Дело только начнется.

Он отвернул простыню и внимательно осмотрел ростки. Действительно – растение. Тонкие плоские стебли, напоминающие мясистые травяные пластинки. На некоторых – крохотные почки, которые уже начали раскрываться. За последние сутки ростки заметно удлинились. Чем все это станет через месяц или через год?

Он вернулся в кабинет. Новая система слежения уже была отлажена и отрегулирована. Реник надел виртуальные очки. Они не так утомляют зрение, как большой экран.

Птица летела над городом. Комиссар собирался проверить несколько точек, которые его давно интересовали. Но это потом. Вначале нужно опробовать управление и определить максимальную дальность надежной связи. И заглянуть в окна, просто для пробы. Птица летела уверенно, отлично слушалась команд. Молодец, канарейка! – подумал Реник, – теперь будем стараться, чтобы тебя не съела какая-нибудь кошка. И без кошек неприятностей хватает.

Барбара увидела, что на подоконник села больная канарейка, но не придавала этому значения. То, что канарейка больна, было видно сразу: птичка сидела вялая и неподвижная, даже не крутила головой, как обычно делают птицы.

Барбара ходила по комнате, которую называла своим массажным залом. Это было чердачное помещение переделанное в солярий: прозрачная крыша, удобные кушетки, ванна, два автомата для массажа, – для обычного и для эротического. И, конечно, гордость Барбары, такая штука, которая имела лишь у нее одной.

В массажном зале Барбара ходила голой. В комнате внизу ее ждал любовник, нетерпеливый, но бедный и потому знающий свое место. Перед тем, как заняться любовью, Барбара всегда принимала сеанс массажа. Но это был необычный массаж.

Она отодвинула полупрозрачную штору. За шторой было ложе и над ним манипулятор с двенадцатью руками. Это не были биопротезы. Это были настоящие мужские руки, закрепленные на биоконтакте, который питал их, восстанавливал и обеспечивал мускульную силу. Она легла, расслабилась и дала команду голосом.

Включилась музыка, аппарат сымитировал ветер и запах моря. Руки пришли в движение: две стали гладить ее волосы, две – грудь, оставшиеся перемещались по свободным участкам тела. Вот одна из рук взяла вентилятор и стала шекотать Барбару направленными струйками теплого воздуха.

– Сильнее! – приказала Барбара и руки вжались в ее кожу.

Закончив сеанс, она спустилась вниз. Нетерпеливый любовник послушно ждал.

– Соскучился, малыш? – она потрепала его по щеке. Сегодняшнему малышу было всего-то около двадцати; Барбара годилась ему в матери.

– Это твоя спальня? – спросил малыш.

– Да, а что?

- Странная какая-то.
- Что тебе показалось странным? – она сдвинула брови.
- Впервые вижу, чтобы в спальне лежала плитка, как в бассейне. В спальне должны быть мягкие ковры.
- Это чтобы удобнее отмывать пол, – сказала Барбара.
- Он так сильно пачкается?
- Иногда.
- Ты его моешь сама?
- О, как глупо! Я ничего не делаю сама. Его моет мой раб. Саид, выйди! – приказала она. Из-за шторы выдвинулся робот, смоделированный так, чтобы немного походить на могучего мужчину.
- Это аппарат для уборки?
- И для охраны. Саид, покажи ножи!
- Саид взмахнул руками и два круга стальных лезвий прожужжали в воздухе.
- Робот вышел на середину комнаты и исполнил несколько громоздких движений, напоминавших танец.
- Ну и чудище! – искренне удивился малыш. – Зачем ты его держишь?
- Красивая женщина должна быть опасной. У-тю-тю-тю-тю... – она мощно поцеловала малыша в губы и продолжила. – Я хочу, чтобы он стоял и смотрел, как ты будешь меня ласкать.
- А если я не смогу?
- А ты расслабься. Если ты не сможешь, он тебя убьет.
- Малыш смог. Впрочем, хватило его всего минут на двадцать. Могучий Саид смотрел внимательно, наклонившись вперед и время от времени поводя головой с желтыми глазами.
- О, это было отлично, – сказала Барбара и отбросила малыша в сторону. – За такие минуты можно отдать жизнь. Правда, малыш?
- Малыш отвечал утвердительно.
- Что-то не слышу уверенности. Да или нет?
- Да.
- Вот так-то. Мне понравились твои руки. Особенно правая. Ты слышишь Саид, правая! Саид послушно склонил голову.
- Тебе нравится видеть в мужчине раба, – заметил малыш.
- А ни на что другое ваш брат не годится. Я хочу сделать тебе предложение. На миллион.
- На миллион?
- Ага. Мне понравились твои руки.
- За миллион можешь иметь их до конца жизни.
- Нет, малыш еще понял (Саид кивнул головой и подвинулся на шаг ближе). Мне понравились только руки, все остальное – дрянь. Я собираюсь купить за миллион твою правую руку.
- Как можно купить руку?
- Когда я была намного моложе, меня бросил мужчина, у которого были прекрасные руки. Представляешь, он бросил не кого-нибудь, а меня. Я хотела ему отомстить, но я его не нашла... Подожди, я закурю. Передай сигареты.
- Она сделала несколько затяжек и помолчала.
- Я поняла, что он не лучше и не хуже других. Что недостаточно мстить ему, это ничего не изменит. Мстить нужно всем вам... Он не просто так исчез, а исчез вместе с моим ребенком. Я так и не нашла – ни его, ни ребенка. Потом я его забыла, но я не забыла обиды. Я не из тех женщин, которых можно просто так обидеть. С тех пор Саид забирает руку у каждого моего мужчины.
- Любовник ухмыльнулся.

– Ты сушишь эти руки как рыбу?

– Нет, я заставляю их работать. Я подключаю их через биоконтакт к аппарату для массажа.

Малыш сел и почесал в затылке.

– Нет, не может быть, – не поверил он, – тогда это получился бы киборг, а собирать киборгов запрещено. Киборги, клоны и генные бомбы – преступления против человеческой природы. Ты бы не рискнула получить восемь лет тюрьмы.

– А никто и не узнает. Я даю тебе миллион и Саид отрезает тебе руку. Вместе с лопаткой, лопатка нужна для крепления. Если ты не согласишься, Саид сделает это бесплатно.

– И многие соглашались?

– Никто из двенадцати. Из тринадцати, если считать тебя.

Малыш вскочил и бросился к двери. Конечно, дверь оказалась закрытой. Тогда он забился в угол, свернулся в эмбриональную позу и закрыл голову руками.

– Саид, начинай, – приказала Барбара. – Когда закончишь, протри кафель.

Она подошла к окну и стала спиной к комнате. Большая канарейка улетела, заметив ее приближение.

Уже стемнело; он шел домой, привычно прокручивая события дня сквозь теплую полутьму отдыхающего мозга; где-то в складках сознания был раскинут невод, вылавливающий каждую золотую и серебрянную рыбку, и был недремлющий глаз, который смотрел и определял, насколько та рыбка велика.

Проходя через парк развлечений, во второй или третий раз за вечер он увидел то же лицо. Не задумываясь, он сел на скамейку и решил подождать. Его тело устало за день и приняло решение самостоятельно. На асфальт здесь и там садились серые, будто присыпанные пылью, мотыльки, садились и снова взлетали; он ждал, совершенно уверенный, что незнакомец появится.

Вечерний парк был полон жизни: гуляющие запрудили центральную аллею, у водопада цветов; к аттракционам наверняка вообще трудно пробиться, особенно к Шару и к Швырялке; очереди у лотков с мороженым и фруктами достигли размера шаровых звездных скоплений, и над всем этим гул, подобный гулу пчелиного роя, отдельные детские крики, отдельные вулканчики хохота здесь и там, и все это освещенно фейерическими бликами, которые бросают огромные плоские диснеевские фигуры, электролюминисцирующие, плавающие в воздухе над деревьями.

Ждать пришлось недолго: незнакомец еще раз прошел мимо, – руки в карманах, глаза сосредоточены, – и свернул в боковую аллею. Это был невысокий худой мужчина, с невыразительным лицом – такое не вспомнишь и на следующий день.

Гектор встал и пошел за ним. Незнакомец не спешил, но и не оглядывался. Он шел быстрее, чем гуляющий, но медленнее, чем человек, имеющий определенную цель. Он остановился и поиграл с надувными роботами-великанами, которые бесплатно хватили каждого желающего своими лапами с ковш экскаватора величиной, постоял у фонтана и пошел к выходу. Здесь Гектор увернулся от объятий желтого робота, чуть не потерял незнакомца в толпе и лишь случайно увидел темную тень, удаляющуюся в сторону ботанического сада.

Здесь уже не было фонарей, лишь шариковые светильники – висящие в воздухе опалесцирующие шарики размерами от крупной горошины до маленького яблока.

Шарики переливались разными цветами, то мелкими вспышками цвета, то наплывами цветного свечения, то разноцветной световой дрожью, и удерживались на весу невидимыми нитями силового поля. Каждый светильник был сделан в виде небольшого фонтана. Это было красиво, но почти не давало света. Некоторые из шариков, граненые, светили ярче, но и они

не освещали средину широкой дорожки. Под ногами шуршали невидимые в темноте роботы-мышки, которые убирали парк по ночам.

Над головою с холодной яростью пылали звезды – в таком избытке, что небо равномерно сияло над черными формами дальних крон и над темно-зелеными контурами ближних, перечеркнутое черной полосой космического лифта.

Внезапно незнакомец побежал. Дорога спускалась с холма до самой ограды сада, а дальше поворачивала и шла в сторону старых заброшенных подземных гаражей. Гектор хорошо знал сад, но гаражи видел лишь несколько раз и издалека.

Спуск не освещался вовсе и, если бы не звезды, было бы тяжело бежать по каменистой дороге вниз. Но глаза уже привыкли к темноте и с каждым шагом видели все лучше. Вот решетка сада по левую руку, а за решеткой – поляна с высокой травой, над которой летают несколько пушистых сов, неслышных и почти невидимых, и множество летучих мышей. Сектор Б-13, один из старых районов сада, где природа сохранилась почти естественной.

Приблизившись к гаражам, он скорее почувствовал, чем увидел, что дверь открыта. За дверью зияла тьма. Кто-то, без сомнения, ждал его там, притаившись, зная, что он идет, и зная, что он знает, о том, что он ждет его там, притаившись и зная... Слова выстроились в бесконечную цепочку и рассыпались, как слишком высокий домик из костяшек домино. Осталась пустота;

Гектор не собирался входить. Без фонарика там делать нечего, особенно человеку, не имеющему представления о внутреннем устройстве этого лабиринта.

Он стоял и раздумывал. Он знал, что не один на этой черной дороге, среди черноты ночи. Из-за деревьев вышла темная фигура. Потом еще две. Потом еще и еще.

– Передайте ему, – сказал Гектор, – что я долго ждал и долго вас терпел.

То, что случилось вчера, будет вам предупреждением.

И вслед за его словами раздался глубокий, глухой и вибрирующий рык большого зверя.

Когда он вошел в холл, то увидел, что та женщина уже ждет. Женщину звали Зоей; сейчас она пришла с мужем, тем самым, который месяц назад выбил ей глаз.

Она поднялась; муж остался сидеть.

Они зашли в квартиру, потом в приемную комнату; Гектор извинился и вышел вымыть руки. Сегодня клиентка пришла в последний раз; ей оставался лишь осмотр и некоторые формальности.

Муж бил ее и раньше, но бил «ласково», как она сама объяснила на первом приеме, и в тот раз просто ударил неудачно. Гектор не хотел видеть этого человека, и был рад, что тот решил не заходить. Сейчас он понял, что так неприятно удивило его в зоинном муже: негодяй сидел со спокойно-самодовольным видом, и было заметно, что это не поза, не маска, а нормальное состояние скотски-тупой посредственности. Но он нисколько не чувствовал себя виноватым – и это раздражало Гектора.

Он осмотрел глаз в последний раз. Все было в порядке: новый глаз, поставленный взамен старого, был моложе и лучше. Он замерил потенциалы оптического нерва и сравнил с таблицей. Что-то не сходилось, но нет повода для волнений – так иногда бывает, пока новый орган еще не притерся на своем месте.

То, что делал Гектор, называлось генопротезированием; генопротезирование и изготовление стандартных лекарств – вот и все, что разрешалось делать биологам, использующим человеческую ткань. Все остальное запрещалось категорически.

Сверх-категорически. Любое отступление от закона каралось высшей мерой наказания – восемью годами тюрьмы. Биология уже достигла такой мощи, что могла легко уничтожить неосторожное человечество, экспериментирующее с собственными генами. Холодный призрачный

генетической катастрофы был гораздо опаснее лохматых ядерных пугал двадцатого века или крысиной морды чумы, скалящей зубы из средневековья.

– Этот глаз совсем как мой старый, – сказала Зоя.

– Я вырастил его из клеток вашего старого глаза, но новый лучше: он лучше различает цвета в темноте, а в старости вы можете не опасаться дальноркости. И я немного усилил кольцевую мышцу, которая регулирует кривизну хрусталика.

Теперь вы можете использовать ваш глаз как увеличительное стекло. Попробуйте.

– Попробовать что?

– Возьмите любой маленький предмет и поднесите его к самому глазу. Теперь ваш хрусталик способен на нем сфокусироваться. Посмотрите на кончик фломастера, так. Вы видите его с маленького расстояния, поэтому вы видите его большим. Ну как?

– Сколько мы вам должны? – спросила Зоя.

– Ничего дополнительно. Четыреста долларов, как и договаривались.

– Но вы работали целый месяц.

– Я работал по вечерам.

– И все равно, это слишком мало. Почему вы не берете больше?

– Я мог бы сделать это за три дня, и вы бы остались довольны и заплатили мои четыреста долларов и не спрашивали бы, почему я беру так мало.

– Тогда почему не за три дня?

– Потому что я люблю делать вещи хорошо. Если не делать хорошо, то это превращается в плохую и скучную подработку, точно так же можно приторговывать на базаре или спекулировать лотерейными билетами. Я лучший, по крайней мере в этом городе, и хочу работать хорошо. Когда я делаю все, что могу, в какой-то момент появляется чувство, что я делаю что-то настоящее, хотя я не могу это объяснить разумно, я перестаю работать как раб и начинаю творить по своему собственному желанию что хочу и как хочу. Тогда работа превращается в удовольствие. Это не работа, а отдых, и поэтому можно работать даже бесплатно.

– Вы давно это придумали? – ка-то совсем скучно спросила Зоя. У нее были большие светлые глаза и широкие скулы, от этого лицо казалось неестественно скульптурным. Может быть, виновато освещение.

– Очень давно, – ответил Грман, – Еще когда я школьником готовился к нудным экзаменам.

– И экзамены перестали быть нудными?

– И я стал сдавать их лучше всех. С того времени это всегда срабатывало.

Если бы я сделал работу не за месяц, а за три дня, я бы взял с вас в три раза больше. Потому что работа, которая не нравится, должна хорошо оплачиваться, иначе никто не будет ее делать. Правильно?

– Можно, я закурю? – спросила Зоя, но не закурила. – Шурик хотел с вами поговорить.

– Я бы не хотел его видеть.

– Но это обязательно.

– Я здесь определяю сам, что обязательно.

– Тогда Шурик говорит, что он позвонит в полицию и сообщит, что вы занимаетесь практикой без лицензии. Мой глаз – доказательство.

– Послушайте, мадам, – сказал Гектор, – ваш глаз не может быть доказательством, потому что ни одна экспертиза не докажет, что это не ваш родной глаз. Он генетически эквивалентен тому глазу, который вы потеряли. Я вырастил новый глаз из клеток старого.

– Зато у меня есть заверенные фотографии, на которых я без глаза.

– Вы еще скажите, что Шурик выбил вам глаз специально, чтобы меня шантажировать.

– Нет, но он все продумал.

Она встала, вышла за дверь и вернулась с мужем. Мужу было около тридцати, полноват, белобрыс, глаза ничтожества.

– Подожди меня! – приказал он и женщина вышла.

– Ну как, доктор, мы договоримся?

– Не думаю, что нам есть, о чем договариваться. Через пять минут вы выйдете из этой комнаты и я вас больше никогда не увижу.

– Я предлагаю дело, – сказал Шурик.

– Вот часы, – Гектор поставил часы на стол, – время пошло.

– Плевал я на часы.

– Я могу поставить песочные. Они сильнее действуют на нервы.

– Плевать, я говорю. Ты слушай внимательно, доктор. Как только мне сказали, что ты берешь за лечение меньше всех, я сразу заподозревал. Я сразу тебя понял, я тоже хитрый. Если ты можешь сделать из одного глаза другой глаз, то можно сделать и сто глаз. Поэтому ты не берешь денег. Один здоровый глаз можно продать долларов за шестьсот.

– Откуда такие сведения?

– Есть дружки, которые занимаются продажами. Сами уже не ездят, а продают оптом. В Турцию, в Китай и вообще на восток. Я узнавал. У меня есть хорошие каналы. Можно продавать не только глаза, но и все что хочешь. Сейчас хорошо идет костый мозг.

– Костный, – поправил Гектор.

– Один черт. Договариваемся пятьдесят на пятьдесят. Я беру на себя сбыт и крышу. Ты доставляешь сырье. Клиенты будут. Если нужно мясо, я тоже узнавал, мяса навалом, будем ловить калек в нижнем городе.

– Осталось две минуты, – сказал Гектор.

– А ты не пыжься. И не таких ломали. Стоит мне позвонить в полицию и тебе светит пол года. А если найдут что-то еще, то больше.

– Последний вопрос. Ты специально выбил ей глаз?

– А ты меня за дурака держишь?

– Держу. Вот телефон, звони в полицию.

– Будет плохо, – сказал Шурик. – Я еще не все сказал.

– Телефон полиции 02. Наберешь сам или тебе помочь?

Шурик закусил губу и сел на стол. Он поднес трубку к уху и сидел ухмыляясь.

– Ладно, – сказал он, – ладно, я и правда дурак. Я Зойку люблю. Я не хотел ее бить. Но мне приказали и я сделал. Если ты не хочешь говорить со мной, ладно, поговоришь с другими. Ты человек нужный, я в полицию звонить не буду. Ты еще согласишься. Тебя уговорят. У нас умеют уговаривать.

– Тридцать секунд и тебя выбрасываю за двери.

– Попробуй... – начал говорить Шурик, но закончить не успел, потому что лежал лицом на столе.

– Нос сломать? – спросил Гектор. – или так уйдешь?

Когда негодяй ушел, Гектор включил телевизор. На экране хохотали клоуны:

– Встречаются как-то две амебы. Одна другой и говорит: «А ну-ка убери от меня свои ложноножки! Ха-ха-ха!»

Телефон полиции 02, – думал он. – Почему именно два? 01 – телефон пожарной службы. Почему именно один? Почему телефон скорой помощи только на третьем месте?

При пожаре горят в основном здания. На девятьсот пожаров в среднем одна человеческая жертва. Пожар уничтожает в первую очередь имущество. Но когда звонят 02, здесь уже одна

жертва на три вызова. А когда 03 – помощь нужна только людям, имущество уже не причем. Вот и выходит, что имущество важнее человеческих жизней. Спасение жизней только после спасения домов и ценностей.

Кто придумал такую извращенную шкалу? Государство. Но что такое государство?

Кто это? Что это за спрут, который смеет ставить жизнь на третье место? Я всегда представлял себе государство как огромный желудок, в котором все мы перевариваемся и никак не можем перевариться просто потому, что у желудка большие проблемы с кислотностью. Очень здоровые желудки были в двадцатом веке: всякие большие и малые диктатуры переваривали до смерти добрую половину населения, а из остальных вываривали мозги. Кто такая эта полиция, которую я должен бояться? Делайте со мной все что хотите, но я все равно говорю, что это неправильно.

Зазвонил телефон.

– Это опять я, – сказал Шурик. – Я тут поговорил со своими, они согласны дать тебе не пятьдесят, а пятьдесят три процента. Но это же не просто так, надо будет отрабатывать. Они ребята жесткие. Как, просек?

3

Это был небольшой прямоугольный контейнер с красным номером 250 и кодовым замком. Пальцы набрали код из шести цифр и помедлили. Пальцы были короткими, загорелыми, с белыми толстыми ногтями – пальцы человека, всю жизнь работавшего руками, бывшего молотом, копавшего землю лопатой и может быть, даже царапавшего ее. Кожа на пальцах была плотная, в старых трещинах и шрамах. Пальцы казались такими неуклюжими, что им было тяжело нажимать маленькие светящиеся кнопки.

Валин стоял, наклонив голову и смотрел на пальцы шефа. Как может быть, чтобы шеф такой лаборатории, как эта, имел подобные пальцы? – думал он. – Кто он? Чем он занимался раньше и чего он добивается сейчас?

– Я хотел, чтобы вы оказали мне услугу, – сказал шеф, – и предупредил, что услуга будет серьезной. Если вы боитесь, лучше сказать сразу.

– Я ничего не могу передумать, – ответил Валин, – у меня дочь.

– Которая не совсем ваша дочь.

Пальцы пока не спешили открывать контейнер, хотя замок уже мелодично щелкнул и, видимо, открылся.

– Которая не совсем моя дочь, – послушно повторил Валин.

– Кстати, я так и не знаю кто она, и не знаю, зачем вы вырастили этого клона. Что вы собираетесь с нею делать?

– Растить.

– Клоны такого рода не предназначены для выращивания.

Валин промолчал.

– Хорошо. Пока это ваше дело. Но я не хочу, чтобы это стало общим делом.

Будете приводить ее в лабораторию каждое второе утро и делать инъекции здесь.

Здесь же можно контролировать ее текущее состояние. Но лекарство – вазиразин-три или четыре – за ваш счет.

– Спасибо, – сказал Валин.

Пальцы открыли контейнер. Внутри были три запаянные стеклянные капсулы.

– Я... – начал шеф, но в этот момент замок на входной двери пискнул и дверь открылась. Пальцы снова захлопнули контейнер. Вошла Катя. На ней был все тот же красный воздушный шарф.

– Я не вовремя?

– Очень невовремя.

– Тогда я пошла. Если меня будет нужно, то я любезничаю с Ником на крыльце.

Она вышла.

Шеф взял одну из ампул.

– Вы догадываетесь что это?

– Разумеется. Это генетический материал. Скорее всего животное, чем растение. Возможно, моллюск.

– Нет, – сказал шеф, – это почти что человек.

– Почти?

– Пока я не могу сказать точнее.

– Я ожидал что-то вроде этого, – сказал Валин. – Вы предлагаете мне еще одно генетическое преступление. Одним больше, одним меньше. А когда придет время, вы меня подставите и я буду отвечать сразу за все. В тюрьме, говорят, плохо кормят.

– Раньше плохо, теперь – до отвала.

– Вы уверены?

– Я знаю, что я говорю, – сказал шеф. – Я провел в тюрьмах в общей сложности четырнадцать лет.

– Сколько?

– Четырнадцать и два месяца.

Катя сидела с Ником на скамейке и болтала ногами, держа на ладони золотого паучка. Паучок шевелил лапками и не убежал; казалось, что ему нравится греться на солнышке.

– Хочешь, я подарю тебе перстень? – спросил Ник.

– С намеком или так?

– Так.

– Ну ладно, давай хотя бы так. Что это за камешек?

– Александрит. Он меняет цвет при разном освещении. Я этот перстень сделал сам.

– Ты что, ювелир?

– Я пока учусь. Мне еще не разрешают работать с золотом, самое большее – с серебром.

Это серебро.

– Настоящее?

– Настоящее.

– Тогда оно убивает бактерий. У меня дома живут амёбы, в такой маленькой капельке, я ставлю на них опыты. Надо будет попробовать подложить им серебра. Ты слышал вчера по телику анекдот про амёб? Там одна другой говорит: «убери от меня свои ложноножки»?

– Слышал.

– Кошмар. Разврат молодежи. Молодежь теперь вся такая порочная-препорочная...

Она потянулась так, что под блузкой ясно обозначилась маленькая грудь. Ник отвел глаза.

– Все хотела тебя спросить, – продолжила Катя, – чем твои занимаются? Вроде косметикой?

– Да делают лекарства, – ответил Ник.

– Так лекарства или косметику?

– И то, и другое. Пилули, которые особенным образом действуют на лицевые нервы. А нервы уже действуют на мышцы.

– Разглаживают что ли морщины? Тогда мне тоже нужно. Мне четырнадцать лет, а у меня уже три морщинки, если наморщить кожу, но я тебе не покажу. Так у них есть такие пилули? Я первая в очереди.

– Они сделают твою лоб гладким как у куклы.

– А что еще?

– Много всего в таком роде. Вот ты, например, добрая.

– Ну, я бы не говорила так уверенно, – заметила Катя, улыбнувшись лишь левой щекой.

– Я же сказал «например». А другие злые. Или глупые, или вредные. И все это у них написано на лице. Ты идешь и видишь: вот эта злая, вот эта подлая, вот эта заносчивая... И они никакой косметикой этого не спрячут, потому что лицевые нервы привыкли отдавать приказы нужным мышцам, а мышцы уже делают такое выражение лица. Но можно сделать таблетку, которая действует на эти нервы и тогда у злой будет доброе лицо, а у глупой будет умное.

– Надолго? – спросила Катя.

– Может быть, на полдня.

– Класс! Вполне достаточно, чтобы одурачить кого-нибудь на всю жизнь. Я с детства становлюсь злее с каждым годом, это например. Знал бы ты меня в три года, так я была таким пушистеньким ангелом, что просто выть хочется. Скоро мне надо будет принимать таблетки от злости.

Ник немножно помолчал, потом продолжил.

– Ну еще мои делают гуинпленчики. Знаешь такие?

– Никогда не видела, но слышала, что жуткая гадость. Как они действуют?

– Так же как косметические таблетки, но наоборот. Как только принимаешь, они действуют на лицевые нервы так, что получается дикая гримаса. Например, выворачиваются веки, растягивается рот и так далее. У нас в училище их принимали даже на уроках, чтобы пугать учителей. Ну и, понятно, чтобы пугать друг друга.

– Особенно девочек?

– Да.

– А приворотное зелье твои не варят?

– Варят. Но это не таблетки, это только через капельницу или шприц, это в продажу не поступает.

– Напрасно. Я бы купила. Грамм пятьсот на первое время.

– Просто, когда тебе введут это вещество, ты должна влюбиться в первого человека, которого увидишь. То есть, в первого, на кого обратишь внимание. Это очень опасное вещество. Его используют только для семейной терапии. Например, родители разлюбили друг друга и не могут жить вместе, а разводиться не хотят.

Тогда им дают лекарство.

– А наоборот? Чтобы разлюбить?

– Такого лекарства нет. И даже не может быть. Настоящая любовь это на всю жизнь.

– Неужели на всю?

– На всю.

– И ты об этом молчал?

– А что?

– На всю жизнь – это большое счастье. Можно сказать, главная удача в жизни.

А что, если мы с тобой пойдем и сделаем такие два малюсеньких укольчика друг другу, чтоб любить всю жизнь? И никто и не узнает; мы сговоримся и никому не скажем? А? Испугался? Сиди, сиди, трус, я пошутила.

Робот-гитарист пробежался пальцами по грифу, соорудив совершенно невероятный, кружащийся листопад звуков. В промежутках между заказами он развлекал сам себя нечеловеческой музыкой. Потом замер, лишь пальцы постукивали друг о друга, выбивая сложный ритм.

– Так вы тот самый Путин? – удивилась она.

Это не укладывалось в голове. Анна никак не могла представить, что ее новый шеф – столь знаменитый человек. Человек, чье имя еще недавно было на первых полосах газет. Причем все газеты, будто сговорившись, писали одно и то же: ложь.

– Приятно быть знаменитым, – ответил Гектор, – хотя, моя слава уже стала угасать. Надо бы затеять новое хулиганство.

– Это не хулиганство.

Ее глаза загорелись, но вдруг что-то в выражении ее лица напомнило Гектору сумасшедшую соседку из детства и он сразу понял что: особенные глаза человека, который захвачен чем-либо настолько, что мир вокруг перестает существовать. У той сумасшедшей всегда были такие глаза, у нормальных людей – изредка. В этом вся разница между сумасшедшими и здоровым, – подумал он. – Или, может быть, мы на краткое мгновение становимся сумасшедшими, когда внезапная вспышка идеи ослепит нас? Ядерный взрыв идеи, навсегда меняющий ДНК нашего разума?

– Я не помню, в чем там было дело, – сказала Анна, подавшись вперед, – но вас, кажется, выгнали из университета? Я не слишком грубо выразилась? Вы сделали открытие?

– Да, сделал. Но открытие закрыли.

– Мне всегда казалось, что мы живем в цивилизованном мире...

– И мне тоже казалось, правда не всегда, и теперь уже совсем не кажется.

– Что это было?

– Открытие? Да так, одна мелочь. Потом это назвали структурой Пущина-Беева. Беев, скажу сразу, был ассистентом. Не обошлось без трагедии, хотя ни одна газета об этом не сказала. Когда все началось, он смертельно напился и утонул в реке. Его заставляли дать показания против меня. Может быть, они переусердствовали. Я все-таки надеюсь, что он утонул сам, без их помощи.

– Он был ваш друг?

– Наоборот. Это был неприятный усатый тип, похожий на тракториста. Когда я просил у него тестер или лабораторный стаканчик, он записывал мою фамилию и просил расписаться. Это меня безумно раздражало. Представьте себе жену, которая просит с мужа расписку в том, сколько яиц он взял в холодильнике...

Как-то не верится, что он оказался столь нервным.

Робот-фотограф щелкнул затвором и мгновенно изготовил их скульптурную фотографию: девушка и мужчина, сидящие за столом – еще горячая, неостывшая фигура из белого пластика. Тонкое искажение пропорций: девушка кажется красивее, чем она есть на самом деле, мужчина – аристократичнее и моложе.

Гектор бросил фотографу монетку и тот поймал ее на лету ажурной металлической клешней.

– Вы так и не сказали что это было, – спросила Анна; она рассматривала фигурку и улыбалась, – В газетах об этом не писали. Или писали так, чтобы никто не понял.

– То есть, открытие?

– То есть, да.

– То, что я открыл, и то, за что меня выгнали, – сказал Пушин, – это надгенная информационная структура. Сейчас объясню. Представьте себе такую вещь: допустим, все гены почему-то выстроились в надпись: «привет, друзья!».

Не знаю как вас, а меня бы страшно удивило. Это ни капельки не изменило бы наследственность организма, то есть сумму генов, но заставило бы очень серьезно задуматься: кто и зачем приветствует нас таким образом, да?

– И кто же написал «привет, друзья»?

– Увы, не знаю. Но он написал кое-что похуже.

– Что?

– Когда я рассказал об этом, меня объявили невежественным тупицей, идиотом, душевнобольным, интриганам и прочее вроде того... Ну ладно. Это выключатель.

Выключатель, вставленный в наши гены. Кнопка, которая имеет всего два положения: «вкл» и «выкл». Раз выключатель смонтирован, значит, кто-то или что-то собирается ее нажать. Я не знаю, что произойдет, когда кнопка будет нажата.

– Я держусь за стул, – сказала Анна. – То есть, вы говорите, что во мне есть кнопка, как в роботе? И в вас, и во всех?

Она обернулась и посмотрела на людей. Кафе было наполовину пусто в этот ранний час. Робот-гитарист вяло перебирал струны. За дальним столиком сидела пара влюбленных: стулья рядышком, но поставили между собой сумку, в качестве противозачаточного средства. Долго эта сумка не простоит. За другим столиком, у пальмы, четверо краснолицых мужиков, один пьет, трое смотрят; девица со скучающим взглядом – кого-то ждет; солнечные искры в бокалах, гул уличной толпы разноцветных прохожих – и все эти люди имеют кнопку, как роботы? Кнопку, которую кто-то может нажать?

– Тогда я понимаю, – сказала она, – Я бы тоже вас выгнала. Неправда, конечно. Может быть, людям лучше этого не знать? Вам запретили работать? Что будет, если вы нарушите запрет?

– Я этого не сделаю, – сказал Гектор.

- Почему?
- Вы сами ответили. Людям лучше об этом не знать.
- Но так не бывает, я знаю по себе. Вы же не можете не думать. Рано или поздно вы догадаетесь. Догадаетесь, зачем нужна эта кнопка.
- Может быть, – он улыбнулся, – тогда я позвоню вам и расскажу.
- Нет, без иронии, обещайте.
- Хорошо, обещаю.

Он жил на шестом, самом верхнем этаже дома, и редко пользовался лифтом.

Просто предрассудок, просто пережиток детства: тридцать лет назад его бабушка поддерживала таким способом свое довольно прочное здоровье, пока в одно ужасное утро вдруг не почувствовала холод, села на ступеньки, побелела и умерла два часа спустя. Сейчас Гектор не верил, что хождение по ступенькам два раза в день может спасти от болезней, для этого есть много других путей, но привычка осталась, как дань прошлому – прошлое ведь как пружина в часах: как только завод заканчивается, мы останавливаемся, и зачем мы тогда нужны?

Лестница была привычно пуста и гулка и просматривалась далеко вверх и вперед. На стенах обычные надписи: «Помни о микротанцорах!», некоторые наклеенные, в фирменном исполнении, некоторые – написанные краской. На площадке четвертого этажа он заметил темный сверток довольно большого размера. Дверь была не заперта и приоткрыта. Гектор помнил, что уже давно в квартире никто не жил – с тех пор, как изгнали бывших жильцов и помещение выставили на продажу.

Жильцов арестовали за попытку убийства: говорили, что кто-то из них попытался перепрограммировать хирургическую систему, меняющие клапаны сердца.

Система, очень современная, стояла в центральной городской клинике; микроробот делал отверстие в груди, не больше пулевого, входил внутрь, вырезал сердечный клапан и ставил искусственный. Шов мгновенно заживлялся темпоральным полем. Уже через час больной уходил домой. Стоила операция всего около пятисот долларов.

Однажды система дала сбой, виновных нашли и теперь квартира пустует.

Он подошел к двери и заметил, как зажглась красная лампочка вероятностного сигнализатора. И в тот же момент он услышал, как что-то прыгнуло сзади.

Увернувшись, он перехватил в воздухе маленькую черную тень, применил болевой прием и прижал нападавшего к полу. Это был ребенок – мальчик лет одиннадцати или двенадцати. Маленький череп, широкие скулы, бритая голова, оттопыренные уши, пластиковая куртка. Нет, не мальчик, девочка. Почему-то от нее пахло деревней, землей и машинным маслом. Он прижимал ребенка к полу и ощущал, как бешено колотится в маленьком теле пульс. Ни малейшего стога, несмотря на то, что он сломал ей запястье. Та рука, которая только что держала нож, теперь распухла, как резиновая груша. Вдруг он усомнился в том, что видит перед собой ребенка: уродливое личико было серым, сморщенным, каким-то обезьяньим, с таким же успехом оно бы быть лицом старой пропойцы.

– Тебе надо вправить кость, – сказал он, – пойдём ко мне.

Лампочка сигнализатора продолжала мигать.

Девочка начала молча, с ожесточенным упорством, колотить ногами по мраморному полу площадки. Она билась с такой силой, что Гектор едва удерживал ее. Он снова видел перед собой этот безумный взгляд, который поразил его сегодня утром: глаза без тени мысли, глаза, разъеденные идеей, как кислотой, кажется, что в них даже не осталось зрачков – лишь тупое стремление к запрограммированной кем-то цели. И тут он понял.

Он потянулся и взял нож. Существо нисколько не испугалось. Он медленно подвинул нож к ее лицу. Существо нисколько не боялось смерти и было готово к ней. Казалось, что оно

даже радуется предстоящей муке. Гектор отвел нож и уколол концом ножа руку этой твари. Она вскрикнула – но это не был крик боли – это было больше похоже на экстаз.

– Ползи отсюда, – сказал он; девочка поднялась, сочно плюнула на пол и пошла по ступенькам вниз, поддерживая правую руку левой. Она уходила не спеша, с презрительным достоинством. Гектор вытер кончик ножа о рукав своей рубашки, оставив пятнышко крови: клеток этой крови будет достаточно для генетического анализа. Через несколько часов он будет знать все.

Но, как только он вошел в дверь, зазвонил телефон. Как и большинство серьезных людей, он никогда не пользовался мобильным, а на хороший крик не имел денег. Единственный стационарный аппарат стоял в его домашней приемной, да и тот иногда выключался. Мода на мобильники давно прошла: люди поняли, что мобильник это не удобство – это поводок, который не дает тебе сбежать и растягивает твой рабочий день на двадцать часов вместо положенных пяти. Крик был гибридом или, скорее, далеким потомком одновременно и компьютеров, и мобильных телефонов глуповатого двадцатого века. Мобильники в то время уже переставали быть просто телефонами; они присваивали себе все больше новых функций. Со временем мобильники стали собирать и сообщать новости, подключаться ко спутниковой сети, заказывать и исполнять музыку, на расстоянии контролировать электронные системы квартиры. Потом они научились передавать изображение, играть с хозяином в сложные игры. В них появились обучающие программы и программы самообучения. Так родился крик, позволяющий делать все, что не требует физических усилий – вплоть до виртуальных сладостей, виртуальных передвижений, виртуальных молитв в виртуальной церкви, виртуальных путешествий в истории. Но обыкновенные мобильники и домашние компьютеры теперь стали большой редкостью.

Пока он поговорил по телефону, времени осталось уже в обрез.

Оставался всего час. Он открыл стальную дверь лабораторной секции. Раньше здесь были две большие комнаты, но стену между ними убрали и получилась одна, размером почти с железнодорожный вагон, довольно светлая, из-за шести окон вдоль стены. За окнами редела гроза. Звуконепроницаемые просветленные стекла в полстены были совершенно не видны, но бросали на заднюю стену дрожащие фиолетовые тени. Гроза редела беззвучно, но виртуальный рев плотных дождевых потоков, взрывающихся полосками тумана на скатах крыш, рев плоского, несущегося по глухой стене вниз вертикального потока – будто – он вдруг вспомнил строку – будто озеро, стоящее отвесно, хищный скрежет пульсирующих молний, разбухших от обилия электричества, как пиявки, как голубые светящиеся небесные черви – все это давило на барабанные перепонки не меньше, чем настоящий оглушительный грохот. Он сделал глоток кофе и поставил чашку на стол и услышал как цокнуло ее доньшко о прозрачный пластик.

Плоские крыши домов, прекрасно видимые отсюда, превратились в море; порывы ветра гнали светлые и темные полосы воды, напоминающие волны, безлюдные улицы внизу уже тонули во мраке приближающегося вечера; он сел в кресло модулятора и надел шлем.

Комната исчезла; сейчас он находился в центре пустого серого пространства – он, кресло, виртуальная клавиатура и набор инструментов для работы с атомами.

Многое изменилось с тех пор, как фирма IBM еще пятьдесят лет назад ухитрилась выложить свое название из отдельных атомов. Тогда это казалось достижением.

Теперь это можно сделать за десять минут. Он выбрал нужное увеличение и сфокусировал картинку. Сквозь серый туман надвигалась, приближалась, нависала, материализовалась огромная ржаво-оранжевая структура, напоминающая планету: это была красная кровяная клетка, эритроцит. За нею двигалась еще такая же, но искаженная, казавшаяся перевернутой. Иногда они плавают парами, иногда по одиночке и в любом случае пары не держатся долго. Поверхность такой штуки упруга и изменчива, как пленка мыльного пузыря, но неизмеримо

прочнее. Изнутри она так плотно набита молекулами гемоглобина, что не остается места даже для обыкновенного клеточного ядра. Модулятор создавал полную иллюзию присутствия.

Но клетки крови – это не то, что сейчас нужно. Еще несколько оранжевых монстров плыли далеко внизу.

Он набрал команду и на несколько секунд был ослеплен беспорядочным мельканием. Потом изображение сфокусировалось снова. Перед ним была святая святых, основа жизни, двойная спираль ДНК. Огромная винтовая лестница шла из бесконечно глубокой дали и исчезала в бесконечности высоты. Если настроить увеличение, можно разглядеть отдельные атомы, из которых она сложена. Фосфатные группы переливаются разными оттенками желтого, все остальное – от голубого до фиолетового. Гуанин иссиня-черен, как вороново крыло. С помощью виртуальных инструментов можно работать с каждым атомом в отдельности, можно взять его и почти что ощутить его расплавленную округлую тяжесть, подобную тяжести ртутной капли. Все ДНК человека сжаты в объем в одну миллионную дюйма, но если эти спирали выложить в одну линию, получим нить в полтора метра.

Он придвинулся еще ближе. Сейчас большие бугры этого двойного винта были перед самыми глазами. Здесь, в этой бесконечно сложном конденсате информации, как в в книге записано все о человеке, который считает себя хозяином мира.

Программируется не только наше тело, но наши желания, привычки, даже наша культура. На самом деле человек – всего лишь машина, всего лишь слегка разумный танк, построенный для собственных нужд этой длинной настойчивой молекулой, нашим наездником, нашим жокеем, поводырем. Миллиарды лет назад тело было всего лишь простой белковой оболочкой, но ДНК сумела превратить эту оболочку в то, что мы называем человеком. Она изобрела нас, она построила нас, она использует нас.

Сейчас она сидит внутри нас, в каждой клеточке наших тел, сидит и отдает приказы. Она постаралась: мы – довольно удобные устройства для выполнения ее приказов. Все, что наполняет нашу жизнь, идет отсюда. Мы думаем, что мы любим, а на самом деле эта молекула решила сменить одну старую оболочку на другую новую. Она заставит два сердца забиться вместе, заставит губы соединиться в поцелуе, заставит руки искать застёжки платья, заставит дыхание сбиться, заставит зародиться новую жизнь, заставит нас воспитывать и любить нового маленького человека и заставит потом отмереть большого и старого. Так она сменит себе оболочку, всего лишь выбросит старое тело и наденет новое, подобно платью, и она сделает это еще миллионы раз, сохраняя информацию как самоцель.

Если отрезать голову самцу лягушки, он все еще сможет обнимать самочку – и его ДНК таким способом переселится в новое тело, нимало не заботясь о старом.

Рыба лосось умирает от экстаза, спарившись с самкой. Если мужчину во время оргазма ударят в спину ножом, он почувствует лишь приятное жжение, а никак не боль, и сможет еще несколько секунд продолжать свое дело дальше. А мы думаем, что живем, что мыслим, что чувствуем и что проживаем жизнь не напрасно.

Но все не так просто. Где-то здесь прячется чужой. Наездник, сидящий на наезднике. Он очень хитер, он замаскировался так хорошо, что нескольким поколениям цитогенетиков не удавалось его заметить. Он рассредоточил свое растворенное тело по всей молекуле. Но я знаю, что он начинается в нижнем конце ДНК, в пробочке теломера, и дальше его атомы выглядывают то здесь, то там.

Больше всего он похож на чужеродное техническое устройство, внедренное в нас на таком глубоком уровне, что мы никогда и никак не сможем от него избавиться. Это вам не рак и не СПИД, который все же можно вылечить – это хуже, он стал обязательной частью нас самих.

Интересно, что ощущает лягушка, которую тискают обезглавленное тело?

Клиентка болтала как заведенная, но он не обращал внимания на ее слова.

Очередная пустоголовая фифочка, пожалавшая исправить форму своей груди.

Конечно, это можно было бы сделать и по дешевке, накачав грудь силиконом, но настоящая генетическая трансформация – это престижно. Существуют огромные каталоги, в основном германские, каталоги правильных грудей, бедер, промежности и всего прочего. Есть и разные стили груди, например грудь в стиле ампир или в стиле модерн. Бывает даже абстракционистская грудь, размазанная по передней поверхности тела так, что с трудом найдешь. А при желании можно сделать себе прямоугольную или с тремя сосками. Но это изошряются там, в Европе. У нас обычно требуют настоящую, классическую и большую.

У некоторых динозавров было два мозга, причем второй располагался ближе к хвосту, на уровне задних лап. У некоторых женщин – примерно то же самое, только с той разницей, что головным мозгом они совсем не пользуются. Им достаточно того, который на уровне бедер. Сегодняшняя клиентка принадлежала именно к этому типу женщин. Гектор осматривал ее и, как только он касался рукой ее груди или бедра, она вздыхала, закусывала губу и начинала ерзать на кушетке. Это не мешало ей вести беспредметный разговор.

– Мадам, – сказал Гектор, – я всего лишь врач.

– И что?

– Всего лишь врач, а не любовник. Любовника с вашими данными вы можете найти в любом переулке.

– Одно другому не мешает.

– Я должен смотреть на вас глазами эстета, только как на предмет искусства, иначе грудь получится неправильной формы и величины.

– А я не хочу эстетическую грудь, я хочу эротическую.

– Но мы две недели подбирали по каталогу.

– И выбрали эротическую.

– Ничего подобного. Мы выбрали эстетическую, в классическом стиле, с повышенной соблазнительностью и тонким налетом эготизма. Модель М-333. Последнее достижение германского дизайнера.

– Вот-вот, с повышенной соблазнительностью. И налетом.

– Но «налет» в данном случае не означает «ограбление банка». Это всего лишь тень, привкус или намек.

– Но все-таки?

– Да, но ваша грудь еще не готова, поэтому не надо соблазнять меня.

– Так вы хотите подождать, пока она будет готова?

И так далее. Гектор уже давно не реагировал на подобные вещи. Как профессионал, он знал очень хорошо, сколько внутренней гнили в таких существах, очень приятных внешне. Избави нас бог познакомиться с ними поближе.

– Простите, мне надо позвонить, – сказал он.

– Женщине?

– Конечно.

– Молодой?

– Изумительно молодой и красивой. Вот простыня, пока прикройтесь, чтобы не мерзнуть.

– Что с вами? – спросила клиентка.

– Да ничего. Просто болит голова. Иногда она болит слишком сильно.

– Надо меньше работать и больше заниматься спортом.

– Я учту это, – ответил Гектор.

Анна взяла трубку после четвертого гудка. Гектор попробовал представить, как выглядит ее комната. Например, неудобная, маленькая, и много мебели, поэтому телефон не под рукой. Или наоборот, очень большая. Или она заканчивала полив очередного трансформированного

растения на подоконнике или под негаснущими лучами биоламп? Или ливень залил ее балкон и она занималась уборкой?

– Здравствуй, это я, – сказал он.

– Здравствуй. Хотя мы уже встречались. Я рада, что ты позвонил.

Они перешли на «ты» совершенно просто и безболезненно. Ты – вы. Эта ступенька русского языка торчит в самом неудобном месте между двумя людьми.

Ступенька, о которую не спотыкаются лишь маленькие дети и взрослые негодяи.

– Кажется, я узнал.

– Как? Просто догадался?

– Нет. Мне удалось сделать анализ крови.

– Правда?

– Анализ крови человека, у которого кнопка была нажата. Ты понимаешь?

– Конечно. Где ты его нашел?

– На лестнице. Он попытался на меня напасть. Или она. Скорее всего, оно было женского пола. Очень стертая внешность.

– Оно было сильным?

– Не очень. Как все люди.

– Ты пострадал?

– Нет. Ты хочешь услышать, что я узнал?

– Не знаю. Как ты решишь. Если ты собираешься не говорить никому, то лучше не говори и мне. Людям лучше об этом не знать, так ты сказал?

– Это слишком опасно, чтобы об этом не знать. Эта кнопка, так вот, она включает механизм управления. Человек начинает вести себя как радиоуправляемая игрушка на батарейках. Внешне он кажется живым и настоящим, а на самом деле он только инструмент в чужих руках.

– Или в щупальцах, – заметила Анна. – Потому что человеческие руки пока еще не могут создать такое устройство. Я не знаю, кто пытается нами управлять. Но одно можно сказать точно: это не человек. Я права?

– Абсолютно.

Клиентка села на кушетке и глядела на него затуманенным, почти материнским взглядом. Взглядом, полным снисхождения.

– Боже мой, о чем вы только разговариваете с женщинами! – сказала она.

– Или в щупальцах, – повторила Анна снова и повесила трубку.

Сейчас все это не казалось ей важным. Даже если все мы всего лишь заводные игрушки, которыми управляет нечто невидимое нами; даже если это нечто выращивает нас чисто в кулинарных целях, это все равно неважно. А важно то, что анализ крови дал положительный результат.

Каждый вечер она делала анализ своей крови, и каждый вечер боялась, что это, наконец, случится. И вот, это произошло.

Все началось с того, что полтора года назад Анна заинтересовалась микротанцорами. Микротанцорами называли исключительно вкусные ягоды, изобретенные одним венгерским биоинженером. Название придумал и запатентовал сам инженер: ягоды были странной формы и напоминали танцующих людей. Ягоды были столь вкусны, что человек, попробовавший одну, согласился бы выложить за другую любые деньги. Но сам хозяин патента, казалось, не был заинтересован в астрономических прибылях. Он продавал микротанцоров не очень дорого. Перекупщики взвинчивали цены еще раз в двадцать.

Была в этом всем одна странность. Несмотря на доступность ягоды микротанцора, несмотря на обилие современных генных и молекулярных технологий, никто не смог скопировать ягоду, клонировать ее и вырастить самостоятельно. Гены этой странной штуки были

зашифрованы. Пока ни один человек на свете не сумел найти ключ к шифру. Видимо, здесь нужен был нестандартный подход.

Анна, которая еще со школьных лет занималась модификацией растений и знала об этом все, решила разгадать загадку. Тогда она и предположить не могла, что ответ окажется столь страшным.

Вначале она шла проторенными путями: строила генную карту удивительной ягоды и прогоняла ее через дешифрующие программы. Она прочла все статьи о микротанцорах (а их было множество) и проверила все подозрительные эксперименты, претендующие на ненулевой результат. Все было просто и в то же время сложно.

Ягода оставалась ягодой, но воспроизводиться не хотела. Академия кулинарной промышленности основала дорогостоящий проект, привлекая к нему всех заинтересованных людей (Анну в том числе); целью проекта было скопировать ягоду микротанцора просто собрав ее целиком из отдельных атомов. Ягоду собрали, но раскрыть ее тайну все равно не смогли. Анна отдала проекту целых четыре месяца.

После неудачи она решила пойти собственным путем.

Она предположила, что микротанцор – вовсе не ягода. Она стала работать над этой идеей, включив все доступные вычислительные ресурсы большой сети. Со временем все программы стали выдавать один и тот же ответ: если микротанцор не ягода, то это оружие.

Оружие – не больше и не меньше.

С этого момента она стала работать с удвоенной энергией. Когда ее статью с нестандартным выводом о природе микротанцора друг за другом отвергли тридцать шесть крупнейших журналов по биотехнологиям и проблемам кулинарии, она лишь ожесточилась. Она хотела доказать – доказать им всем. Пока что она доказала лишь себе самой.

Все, что она знала, пока было лишь предположениями, пусть очень вероятными, но недостоверными. Доказать свои гипотезы она не могла. Но время шло и оружие начинало работать.

Ягода микротанцора, однажды съеденная человеком, не выводилась из организма полностью. Внутри человеческого тела оставалась очень незаметная, рассредоточенная молекулярная структура, которая не оставалась постоянной. Она эволюционировала. Микротанцор рос внутри человеческого тела. Дойдя до определенной стадии, он изменялся и начинал расти в сотни раз быстрее, проникая тончайшими мономолекулярными нитями в сердце, почки, мозг, легкие и кости. С этого момента его можно было обнаружить с помощью простого анализа крови.

Микротанцор съедал человека изнутри. Теперь стало ясно, почему владелец патента не брал больших денег за свои ягоды. Пройдет время и, когда люди начнут умирать, он, как единственный человек, знающий секрет, предложит каждому спасение. Или не каждому, а только самым богатым. Ведь на земле, пожалуй, не осталось ни одного богатого человека, который хотя бы раз в жизни не попробовал ягоду микротанцора.

Он станет не просто миллиардером – он станет богом.

Тогда этот негодяй получит любые деньги, любую власть, может быть, даже власть над миром. И никто не посмеет его наказать, не говоря уже о том, чтобы уничтожить. Ведь его смерть будет означать смерть половины человечества.

Сегодня анализ крови впервые оказался положительным. Анна не знала, сколько ей осталось. Может быть, месяцы и годы, может быть, недели и дни. Но, сколько бы ни осталось, за это краткое время она должна предпринять нечто чрезвычайное, иначе ей конец.

Комиссар Реник просматривал последнюю видеозапись. Сейчас система слежения была модифицирована так, что позволяла записывать и анализировать нужную информацию. Картинка вначале шла на врииск, сохранялась, обрабатывалась, если нужно, то дополнялась мето-

дами математического прогнозирования. Кроме канареек Реник использовал воробьев, голубей и, конечно, сов – для слежения ночью.

Заклученный Дюдя работал, стараясь изо всех сил; он работал все время, пока не спал или не выл от частых мучительных головных болей, – последствия неудачной генной модификации.

Первые же ночные наблюдения дали результат: были обнаружены два притона, где богатые извращенцы приглашали для стриптиза генетических уродов обоих полов. Некоторые из уродов были просто великолепны. Чего стоила только девочка с перепонками на лапах. К счастью, девочка пока была неполовозрелой, поэтому распространения генетической заразы Реник не опасался. Он продолжал наблюдать, никого не трогая. Он хотел увидеть больше и найти организаторов этих шоу. Таких детей стали выращивать лишь недавно: еще ни разу не ловили и не ликвидировали ни одного ребенка старше семи лет. Но кто-то этим занимался; кто-то имел питомник и возможности растить уродов и при этом никому их не показывать. Правда, этот «кто-то» смог бы изобрести быстро взрослеющего мутанта, для занятий сексом. Вот это стало бы большой проблемой.

Питомник для уродов так просто не спрячешь. Это должно быть большое здание, со своими собственными системами жизнеобеспечения, с подземными помещениями для прогулок, со своей собственной больницей, столовой и швейной мастерской. Если бы все это находилось не под землей, полицейский спутник с нижнего кольца уже давно бы засек и рассекретил всю организацию.

В одну из ночей две из его сов дежурили в ботаническом саду, неподалеку от весьма подозрительной постройки. В свое время в том месте предполагалось построить большой подземный гараж, потом строительство заморозили на десять лет, а теперь начали снова. Все люди, которые там работали, были похожи друг на друга. Мужчины и женщины среднего роста, на этом сходство вроде бы заканчивалось. Но было еще что-то, труднообъяснимое, сходство походки, выражения лиц, сходство простых жестов. Возможно, это означало групповую модификацию. Или хотя бы групповой прием запрещенных лекарств, например, психокорректоров. За гаражами стоило понаблюдать. Кроме того, большая часть работ производилась ранним утром или даже ночью. Посторонние здесь не появлялись. Итак, Реник просматривал видеозапись.

Совы хорошо видят в темноте. Видимость была не хуже, чем в пасмурный день или вечер.

У самого входа в подозрительный объект стоял человек, чья внешность показалась Ренику знакомой. Комиссар имел отличную память на лица. Может быть, раньше этот человек не носил бороду, возможно, дело в этом. Реник поднял руку и в воздухе повис виртуальный пульт. Он нажал кнопку и нужный кадр отправился на анализ. Еще минута – и Реник будет знать об этом человеке все.

Бородатый стоял у входа, не собираясь войти.

Вокруг него, на приличном расстоянии, пряталось за деревьями еще немало людей (18 – сообщил крик). Эти люди постепенно приближались. Похоже, что они все они одновременно и боятся бородатого человека, и стремятся к нему. Возможно, они хотя его убить или похитить.

– Передайте ему, – сказал Гектор, – что я долго ждал и долго вас терпел.

То, что случилось вчера, будет вам предупреждением.

И вслед за его словами раздался глубокий, глухой и вибрирующий рык большого зверя.

Ничего себе! – подумал Реник. – Ничего себе, что здесь творится! Крик начал выдавать информацию. Во-первых, о происшествии вчера: скорее всего имелось ввиду уничтожение генетического уродца. Урод был загрызен, и скорее всего собакой. Судя по зубам, собака была очень большого размера, примерно с теленка или даже больше. Причем все случилось в одном из сквериков в центре города, но никто эту собаку не видел. Даже полицейский спутник, который автоматически фотографирует все необычное, все выходящее за рамки. Уничтожение

урода не считалось преступлением, потому что урод, с формальной точки зрения, не человек и даже не животное, – просто генетическая формация.

Во-вторых, информация о человеке с бородой. И тут Ренику снова пришлось задуматься.

Гектор Пушин, тридцать четыре года. В последние двадцать семь месяцев работал в университете, где вел курс современных биотехнологий. Замешан и довольно невинном научном скандале. (Реник вспомнил, где видел это лицо – конечно, газетные фотографии) Но все, что было до этих двадцати семи месяцев Реник узнать не мог. Информация засекречена. Засекречена даже для комиссара генетической полиции, имеющего особый код доступа. А это значит, что Пушин связан с военным ведомством или с органами разведки. Нет, с разведкой врядли: разведка бы не стала засекречивать данные, она бы просто дала липу. А запретить доступ – это по-военному просто и надежно. Это значит, что Гектор Пушин имел дело с новейшими разработками оружия. Возможно, даже генетического оружия.

Интересно, что со мной сделают, если я все-таки сунусь в это дело? – подумал Реник.

4

Клоны нулевого рода удобны тем, что создаются целиком, сразу во взрослом состоянии, их не нужно потом доразвивать и они сразу же способны к размножению.

Правда, должно пройти несколько дней или недель, прежде чем они научатся видеть, слышать, передвигаться и правильно пользоваться своими конечностями. Насколько известно, нуль-клоны человека были выращены только однажды, в одной из арабских террористических организаций. Нуль-клон имеет нулевое психическое содержание, поэтому из выращенных экземпляров попытались создать превосходных фанатиков-самоубийц, но потом оказалось, что доводить до ума такого клона нужно лет десять, не меньше. Проще воспитать обыкновенных фанатиков. Всех нуль-клонов уничтожили, кроме одного, использованного в эксперименте по дублированию сознания. Этого уничтожили двумя годами позже. Эксперимент оказался неудачен – продублировать сознание не удалось.

Зато нуль-клонирование мелких животных было поставлено на промышленную основу. Клонировали все – начиная от деликатесов и заканчивая внутренними органами генетически форсированного шимпанзе, из которых делали лекарства для человека.

Конечно, в лаборатории не было настоящей нуль-клоновой ванны, подходящей для человека. Большие ванны имелись лишь в крупных государственных центрах, да и те можно было на пальцах пересчитать. В лаборатории имелись две ванны, подходящие по размеру для выращивания собаки. Их удалось смонтировать вместе и модернизировать. Работа заняла почти месяц. Еще неделя ушла на отладку и тестирование. Система работала плохо, ни какой гарантии результата. Автоматика ненадежна и требует постоянного контроля. Но это все-таки кое-что.

Всю работу, даже ручную, Валин выполнял сам. Никто, кроме шефа, не должен был знать о происходящем. Более того, никто не должен был догадываться, любые подозрения должны быть исключены. Поэтому, совершенно официально, были закуплены споры гриба, которые прорастали лишь в темноте. Был переоборудован подвал, якобы для выращивания грибницы. И, конечно, этим скучным делом никто не пожелал заниматься, кроме Валина. Теперь подвал был полностью в его распоряжении. Здесь не было окон, а две герметичных двери открывались каждая своим собственным кодом. Но самое главное, что никто и не собирался сюда проникать: люди не хотят заниматься скучными делами, а что может быть скучнее выращивания грибницы в темноте?

Когда Валин выходил из подвала, он, для добавочной маскировки, надевал куртку, пахнущую землей, навозом и техническим маслом. И теперь уже точно никто ничего не подозревал. Впрочем, однажды, поднимаясь по лестнице, он поздоровался с Пушиным. Тот остановился.

– Знакомый запах.

– Выращиваю грибы, – сказал Валин.

– Тогда вы хорошо разбираетесь в грибах?

– Только в технических сортах.

– А кто еще в городе может выращивать грибы? – спросил Пушин.

– Кто угодно. Их можно выращивать в любом подвале. В любом месте, куда не проникает солнечный свет.

Клоновая ванна была включена круглосуточно. В ней уже начал формироваться скелет, опутанный бледными ниточками кровеносных сосудов, пока спавшихся, не несущих крови. В верхней части скелета просматривались два серых облачка легких, левое легкое на одну долю меньше, как и положено. Сердце пока было лишь утолщенной трубкой, которая время от времени вздрагивала и начинала трепетать, потом снова успокаивалась. Хотя ванна была

маленькой, ее объем и длина вполне подходили для человека стандартных размеров. Тем не менее, зародившийся в толще жидкости скелет сидел согнувшись. Сидячая поза, насколько знал Валин, означала, что формирующемуся телу не хватает свободного места. И вскоре он понял, в чем было дело: скелет имел слишком длинные руки; руки этого существа были не меньше полутора метров длины.

Валин еще раз проверил генетический материал – тот самый, что лежал в контейнере с красной цифрой 250. Анализ подтвердил, что образец ткани принадлежит человеку. Но клон, ткани которого прорастали сквозь желтоватый студень раствора, этот клон не мог быть человеческим. У людей не бывает таких рук. Такие руки могли бы принадлежать очень крупному гиббону. Но гиббонов такого размера не бывает. Это означало, что шеф собрался вырастить какого-то особенного уroda. Хозяин-барин, это правильно, но с каждым днем Валину все меньше нравилась его работа.

Впрочем, шеф сказал, что это «почти» человек. Именно это «почти» Валин видел перед собою сейчас.

Была поздняя ночь, что-то около полуночи. Они проникли через окно, заранее открытое изнутри. Ночной сторож, смешной старик Порфирий Архипыч, обожающий своих кур, в фуфайке и с носом картошкой, спал у центрального входа, на первом этаже.

Катя и Ник прекрасно ориентировались в темных коридорах.

– Мой думает, что я сегодня на дискотеке, – сказала Катя. – А твои?

– Я еще не придумал, что сказать.

– Зря. Видно, что нет опыта. Легенду надо выдумывать заранее. Ты, что никогда не прогуливал школу?

– Никогда.

– Да, ну и связалась я с тобой. Ничего, я тебя перевоспитаю. Скажешь, что был на дискотеке со мной. Скажешь, что ты за мной ухаживаешь. Они обрадуются.

Родители всегда радуются, когда мальчик за кем-то ухаживает. А когда девочка – то наоборот. Что это было?

– Шаги.

– Ты уверен?

Ник напряженно всматривался во тьму коридора. На всякий случай они прижались к стенке. Здесь, в этом здании, не могло быть людей. Сторож спал у двери. Разве что Валин с его ночными грибами, но тот будет сидеть в подвале до самого утра. Ему нечего делать здесь.

Они стояли прижавшись к стенке и взявшись за руки. Он ощущал ее пальцы и кончики ее волос. Он вдыхал запах ее тела: сегодня она пахла зеленым яблоком, – слегка вызывающий, смелый запах, который обычно использовали взрослые женщины, чтобы казаться моложе. Он видел контур ее волос, аккуратно стиснутых невещественными заколками силового поля. Он слышал тихое поскрипывание ее паучка-чесалки. Им было страшно. Они простояли несколько минут, но все было тихо.

– Как ты думаешь? – спросила Катя и сжала его руку холодными пальцами.

– Показалось.

– Сразу двоим?

– Ага.

– Ну ладно.

Он открыл дверь кодовым словом, которое знал от отца. Ему часто приходилось заходить в лабораторию и выполнять разные мелкие поручения, поэтому отец и сказал ему код, хотя и нарушил этим инструкцию. Свои есть свои, своим инструкция не писана.

В комнате было так тихо, что отчетливо слышалось ночное бормотание клавиш.

Все кнопки на клавиатуре по ночам разговаривали друг с другом: инфотехника стала такой сложной, что для ее правильной работы пришлось моделировать некоторые сложные процессы человеческого сознания, сны например. Когда аппараты спали, они разговаривали во сне. Если хорошо прислушаться, можно различить слова.

– А мои глаза уже привыкли, – сказала Катя. – Я уже почти хорошо все вижу.

– Это потому что расширились зрачки.

– Чепуха. К твоему сведению, зрение улучшается в темноте в двести тысяч раз. Если бы твой зрачок расширился в двести тысяч раз, он бы до луны достал. На самом деле это все химия. Там в глазе есть какой-то белок, который выцветает на свету. А когда света нет, он восстанавливается. Конечно, зрачок тоже расширяется, никуда не денешься. Ты умеешь делать уколы в темноте?

– Я вообще не умею.

– Я забыла, ты же у нас ювелир. Ну ничего, я сделаю уколы нам обоим. У меня точно получится. Я тренировалась с закрытыми глазами.

– В темноте не нужно, у меня есть фонарик. Он с синим светом, чтобы никто его не увидел через окно, издали.

– Ты такой предусмотрительный?

– Ну надо же мне будет прочесть название на ампуле. Как ты собиралась искать нужное лекарство?

Он открыл нужный ящик ключом и достал несколько коробочек.

– Теперь ты. Я в этом не разбираюсь.

Она не глядя распечатала два шприца, надела иглы, набрала по кубику воды и взяла ампулу.

– Ты уверен, что это оно? А если ты перепутал название и мы вколем себе какие-нибудь гуинпленчики? Это будет смешно, смешнее некуда.

– Не перепутал.

– И как быстро мы влюбимся?

– Как только ты обратишь внимание на меня, а я на тебя.

– Послушай, – сказала Катя, – а что, если ты не обратишь на меня внимание?

Если ты возьмешь и убежишь? Или кто-нибудь войдет, женского пола, раньше, чем ты на меня помотришь, что тогда?

– Тогда несчастье на всю жизнь. Но я закрыл замок изнутри. Никто не войдет.

– А если ты начнешь специально думать о ком-то, но не обо мне?

– Я не начну.

– Почему?

– Потому что мне больше нравится думать о тебе.

– Спасибо. Давай руку. Сейчас сжимай и разжимай кулак, чтобы проявились вены. Может быть, они надуются, потому что при этом синем фонарике (держи его вот так) я никаких вен не вижу.

– Ты обращаешься со шприцами лучше профессиональной наркоманки, – сказал Ник.

– Годы тренировок. Слушай, ведь это можно сделать только один раз. Мы сделаем укол и будем любить друг друга всю жизнь. И это непоправимо. Конечно, это большое счастье. И я знаю, что ты хороший. Но ты меня плохо знаешь. Я же всегда притворялась. И все девчонки притворяются. Я совсем нехорошая. Может быть, я не смогу сделать тебя счастливым?

– Сможешь, – уверено кивнул Ник.

– Глупо, – ответила Катя; контур ее волос слегка светился, из-за ночного лака, который она использовала. – Почему все вы такие глупые? Вы совершенно слепые, когда вам кто-то нравится. По вам можно ходить, как по ковру, если только уметь. Вас можно презирать, над вами можно издеваться, вас можно мучить и обижать. Вас можно дурить и водить за нос как

угодно. Наверно, выделяется какой-то гормон глупости. Я не хочу тебя обманывать, поэтому предупреждаю сразу и серьезно: я плохая и ты от меня натерпишься. И, даже если я тебя буду любить всю жизнь, все равно свою работу я буду любить больше. Ты будешь только на втором месте. Ты согласен сделать укольчик на таких условиях?

– Да.

– Но все равно, мы имеем только один шанс. Я хочу посмотреть и почувствовать как это произойдет.

– Угу.

– Нет, ты не понял. Например, мы легонько поцелуемся сейчас, а потом – потом. Я хочу проверить, какая будет разница. Вдруг это лекарство не работает.

Давай, положи фонарик. Выключи. Ты умеешь целоваться?

Несколько секунд было тихо, потом тишина затянулась, потом затянулась еще больше и прервалась лишь когда фонарик упал со стола. Спящие клавиши бормотали и вскрикивали во сне. Казалось, что им снится война или преследование, хотя что им может снится, кроме...

– Ничего себе, – сказал Ник. – поцелуй меня еще раз.

– Вот-вот, я не думаю, что это твое лекарство сможет что-нибудь изменить.

– Почему?

– Потому что любить сильнее уже нельзя, какой ты глупый. Давай, обними меня крепче.

Шли дни и скелет в ванне стал покрываться тканями. Сердце еще просматривалось сквозь розовые ребра; сейчас оно было уже нормального размера и формы и непрерывно равномерно стучало, со скоростью 127 ударов в минуту. Легкие еще оставались маленькими, наполненными вместо воздуха амниотической жидкостью.

Сам уродец был плотно обтянут прозрачной пленкой, невидимой в растворе; сквозь эту пленку подводились нужные вещества и выводились ненужные. Тело формировалось сразу большим и взрослым, поэтому его не смогла бы питать обыкновенная пупочная артерия. Жидкость внутри камеры казалась неподвижной, но на самом деле она непрерывно текла, омывая каждую клетку, принося кислород, питание, строительный материал, и унося отходы и использованные продукты.

Вскоре стал ощущаться дефицит кальция, хотя настоящее кальцинирование костей еще и не начиналось. Валин увеличил подачу кальция на пятнадцать процентов. Это было еще в пределах нормы. Голова урода казалась непропорционально большой, как и голова обыкновенного человеческого эмбриона – по контрасту с тонким, пока несформировавшимся телом. Даже когда тело стало покрываться сморщенной красноватой кожей, оно все еще казалось маленьким, из-за нехватки подкожного жира. При этом длинные костлявые руки смотрелись довольно страшно. Они сформировались очень хорошо, с пятью длинными пальцами на каждой, с ногтем на каждом пальце. Руки упирались в стену ванной прямо над столом, где сидел Валин, прямо перед его лицом. Его обязанностью было следить за процессом, который не всегда протекал гладко, брать пробы, анализы, корректировать подачу веществ; он сидел здесь ночами и смотрел на огромные костяные пальцы растопыренные перед самым его лицом, и с каждой ночью ему становилось все страшнее. Однажды пальцы шевельнулись. С этого момента они уже не останавливались; казалось, они ищут что-то и пытаются что-то схватить. Иногда они стучали в стенку ванной и этот стук будил Валина, заснувшего за столом. Уже давно стало ясно, что растущее существо женского пола. Анализы амниотической и спинномозговой жидкости показывали норму, анализ ДНК тоже не давал повода для тревоги. Все же, когда тело было практически готово, возникли проблемы с анальными венозными узлами.

– А теперь откровенно, – сказал шеф, – что вы об этом думаете?

– Я думаю, что узлы нужно оперировать, иначе наша подружка будет сильно страдать от геморроя. И чем раньше оперировать, тем лучше. Но я не смогу сам.

Мне нужен ассистент.

– Я не об этом. Я ведь просил говорить откровенно.

– Ну ладно. Тогда так. Вначале я думал, может быть, сработал какой-нибудь скрытый тератоген и развитие пошло неправильно. Рождались ведь дети без рук после того, как матери принимали тадиомид. Правда, дети с такими руками никогда не рождались. Потом я стал думать, что это не совсем человек, а специально созданный урод. Такое ведь нетрудно сделать, изменив всего один ген. Я проверил все гены – ничего подобного, генной трансформации не было. И я понял, что это не просто подобное человеку существо: это существо, копирующее человека, оно имитирует нас, оно прячется за человеческим телом, как за маской, но само оно НЕ человек. Больше всего меня убедили эти руки. Не потому что они большие, но в них есть что-то, что-то такое, что заставило меня думать. Эти шевелящиеся пальцы слишком совершенны, чтобы быть результатом генетической ошибки.

– Хорошо, – сказал шеф. – Через пару дней оно родится. Я хочу присутствовать. Возможно, будут проблемы.

– А как же операция?

– Сделаем после рождения. Я подумаю об ассистенте.

Ночной сторож Порфирий сменялся в час тридцать после полуночи. В его комнатке стояли две кровати, стол, несколько тумбочек и стульев. В тумбочке хранились бутылки со спиртом, стереожурналы (разумеется, порно), стаканы, старые колоды карт, несколько нераспечатанных пачек чая.

Все это хозяйство принадлежало не смиренному Порфирию, а его сменщикам:

Сереге и Лорику, которые были крутыми ребятами и по ночам играли в деберц, пили спирт, разведенный водой, глушили крепчайший чай, чтобы не уснуть, и разговаривали о девочках. Два сторожа требовались по инструкции, потому что оборудование лаборатории было самым современным и тянуло на миллион долларов, а то и на полтора. Ограбления были обычным делом. Происходило все, например, так. Ночью, часа в три или в четыре, по грузовой дорожке подкатывал грузовик.

Из грузовика выходило человек шесть, а то и семь. Сторожевые собаки, если таковые имелись, беззвучно расстреливались из пневматических пистолетов и начиналась атака здания. От охранников требовалось продержаться всего минут пятнадцать и, конечно же, вовремя вызвать полицию. По ночам, после часу тридцати и до шести утра, скоростные трассы для мобов отключались и полиция поэтому могла прибыть не раньше, чем через четверть часа – на вертолете-тарелке или на обычных автомобилях. Все серьезные ограбления в городе происходили ночью, после часа тридцати.

Порфирий подмел комнатку, поправил постели и вышел во двор. Здесь он сделал зарядку для рук и зарядку для пальцев – оказывается, Порфирий был не так-то прост. Поговаривали даже, что зимой он купается в проруби, в ледяной воде. А однажды его видели читающим журнал по генной хромистике, хотя в это и трудно поверить. Порфирий и в самом деле был не прост.

Из темноты вышел Альба (сокращенно от Альбатрос) – генетически модифицированный пес, совершенно лысый, с плотной пятнистой шкурой, причем шкура эта была способна менять цвет, как кожа хамелеона. Днем, под солнечным светом, его шкура становилась совершенно белой, и лишь под вечер на ней начинали проступать первые пятна.

Альба лизнул руку. Порфирий присел и потрепал животное по загривку.

– Ну как ты тут работал?

Пес вильнул хвостом и посмотрел в темноту.

– Ну работай, работай, не скучай.

Порфирий вернулся в комнатку и сделал пометку в журнале. Пометка означала, что сменщики, Серега и Лорик, снова опаздывают. Что поделаешь, бездельники они и есть бездельники. Ничего, скоро появятся.

Прошел час. Порфирий давно отправился домой; бездельники появились, выпили по стаканчику и сейчас играли вторую партию в карты. Причем в первой Лорик выиграл тридцать семь долларов с мелочью. Серега налил горячий чай из чайника и обнаружил в своей чашке вареного жука-плавунца. Плавунец, обычно просто олицетворение хищной элегантности, в вареном виде напоминал большущего таракана.

Серега выругался, открыл окно и выплеснул кружку в сад.

– Ты откуда набирал воду?

– Из крана, – ответил Лорик.

– А по-моему из лужи.

– А хоть бы и из лужи.

– Из лужи ты сам пей, – разогреваясь, заметил Серега. Он злился, потому что проиграл, и ему хотелось сорвать злость хоть на ком-нибудь. Впрочем, Лорик для этого не годился – бывший боксер-разрядник.

– Если ты еще будешь заглядывать в карты, – начал Серега.

– Заткнись и садись играть, – закончил Лорик. И в этот момент послышался звон разбитого стекла.

– На втором этаже, прямо над нами, – сказал Лорик. – Подожди, я посмотрю.

Он высунулся в окно и долго рассматривал что-то в темноте. Потом взял фонарик и стал светить вниз.

– Ты вверх свети, – заметил Серега.

– Ты дурак, если это наружное стекло, то осколки будут прямо возле нас. А я не слышал, чтобы что-то падало. Сечешь?

Напарник сек.

– Кто пойдет?

– Я, – сказал Лорик. – Через пять минут позвоню тебе оттуда, с дежурного телефона. Если не позвоню или услышишь шум, зови мусоров, чтоб они пропали.

Он поднялся по лестнице и отпер дверь, ведущую на второй этаж, в третью секцию. За дверью была раздвижная решетка. И то, и другое обычно запиралось на кодовый замок. Но сейчас решетка была отодвинута. Лорик осветил коридор фонариком. Конечно же, никого. Одна из дверей открыта. Посмотрим, посмотрим.

Ага, вот и стекло. Разбили изнутри. Ты где-то здесь, дружок, ты никуда не денешься теперь.

Он запер решетку и позвонил Сереге.

– Кто-то работал в комнате тридцать два. Смылся только что. Точно, точно, экран компьютера еще светится. То есть, смыться он не успел. Сиди внизу, сейчас я его тебе приведу. Сначала пойду, посмотрю, чем он там занимался, красавец.

Серега подождал, потом еще подождал, потом выпил пол стакана и еще подождал, а когда стало совсем невтерпеж, отправился за Лориком. Еще на лестнице он услышал странное мычание.

Лорик сидел с кляпом во рту, привязанный к трубе отопления, мотал головой, сучил ногами, мычал и дергался так, будто его били электрическими разрядами.

Серега достал нож и перерезал шнур.

– Ну, сволочь! – начал Лорик с оттенком уважения, – ну он меня и уделал!

– Кто?

– Кто, кто! Кто был, того уже нет. Но силен. Одет в черное, на лице маска.

Мужик, это точно. Бьет так, что быка завалит. Сам маленького роста.

– Голос?

– Про голос не скажу, молчал как рыба. Очень быстрый, как угорь. Я, кажется, в него ни разу не попал, а если попал, то только вскользь, ты понял?

– Что он тут делал?

– Не воровал, это точно. Он тут работал. Я в этом не понимаю, но приборы были включены.

– А компьютер?

– Я проверил, он успел все стереть.

– А если он воровал информацию?

– Что можно воровать в этой дыре? Мы же не военный завод. Или как?

– Спроси у шефа, если не боишься.

– Ага. Сам спроси. Что это?

Они замолчали и прислушались. Сквозь плотную ночную тишину, сквозь стрекотание кузнечиков и одинокий плач ночной птицы пробивался далекий тоскливый вой – как черный цветок прорастающий сквозь черный песок.

– Рысь воет. Проснулась зверюга.

Толстые загорелые пальцы вставили диск.

– Вот здесь, – сказал шеф, – здесь вся информация о вас. То есть, не столько о вас, сколько о вашей работе. Я не собираю досье на своих сотрудников, но я хочу знать все, что, прямо или косвенно, может повлиять на работу. Дело есть дело. Здесь все ваши статьи, начиная с первых, о торможении окисления липидов, заканчивая последней. Я изучал вас, прежде чем выбрал. Если бы я не был уверен в вас, я бы не написал вам письмо. Узнаете? – это ваша выпускная фотография. Вы закончили университет с отличием. Потом белое пятно – все засекречено. Чем вы занимались – это ваше дело, я в это нос не сую. А это вы на второй конференции по биохимии мембран, уже после этого. Девять лет спустя.

А вот и ваш доклад. А вот рецензия на ваш доклад. Я знаю о вас достаточно, чтобы понять: рано или поздно вы начнете работать. Вы начнете думать. Я нанимал вас не для того, чтобы иметь еще одного способного работника или администратора. Я хочу, чтобы вы продолжили СВОЮ работу – ту, которую вам запретили. Это как сказка про парикмахера, который увидел, что у короля растут рога. Парикмахер не смог промолчать, даже под угрозой смерти. Так и вы не сможете скрыть то, что знаете. А вы же знаете, правильно?

– Более или менее, – ответил Гектор.

– Но в вашей биографии есть несколько пробелов. Скорее всего, вы работали на секретных объектах. Например, два с половиной года в Сибири. Не хотите рассказать? Хотя бы то, что не составляет государственной тайны? Да присаживайтесь вот сюда, поближе.

– Информация – это власть, – сказал Гектор, подвигаясь, – зачем вам столько власти?

– Потому что я хочу вам доверять.

– Это обязательно?

– Я хочу предложить вам кое-что особенное. Не в денежном смысле; я хочу подsunуть вам проблему, которой стоит посвятить жизнь.

– Такой не бывает.

– Обещаю.

– Я работал в Новосибирске, – начал Гектор. – Там есть несколько сильных государственных лабораторий. В основном они занимались военными заказами. Ну и город тоже заказывал то одно, то другое. Например, специально на день города мы создали бабочек с радужным переливом крыльев, причем бабочки были вот такого размера, как тарелка. Мы не боялись, что они будут бесконтрольно размножаться, потому что их гусеницы должны были питаться лишь листьями эвкалипта. Вот мы их выпустили на день города и это было очень красиво, просто

очень. Потом они конечно пропали, правда несколько экземпляров были изготовлены некачественно и они мутировали – стали есть обычную траву. Даже если они размножатся, это будет не скоро и не опасно. Но мы ведь занимались не бабочками. Бабочки – это просто баловство. Мы делали оружие, причем разное и в большом количестве. Я например, участвовал в двух проектах. Первый проект shark означал работу с акулами. С акулами у нас, в общем-то, ничего не вышло. Мы вывели еще одну, уже совершенно безумно агрессивную породу. Но акул и так все боятся, поэтому настоящего биологического оружия из них не сделаешь.

Тогда мы занялись мошками. Было решено вывести мошек прожорливых, как саранча, но хищных. Саранча съедает все растения на своем пути, а эти мошки должны были съесть всех животных и птиц. Включая, конечно, и человека. Каждая такая мошка мгновенно выгрызала в теле дырочку, конической формы, величиной со спичечную головку. Эти мошки летали огромными роями, похожими издали на широкие движущиеся столбы или на смерчи. Когда приближался такой смерч, гул был слышен на расстоянии километра. На полевых испытаниях большой рой сожрал стадо коров за 18 секунд. Представляете себе это: мы сидим в бункере, пасется стадо, голов в двадцать, и вдруг появляется такой черный крутящийся столб. Столб сразу падает на животных, как черный снег. Каждая из коров становится в два раза больше, раздутая как шар. А через восемнадцать секунд рой улетает и на траве лежат идеально обглоданные кости. И все косточки разложены в идеальном порядке.

Не знаю почему, но эти мошки никогда трогали глаза. Поэтому обглоданные черепа, когда мы подходили к ним, глядели на нас еще живыми, незатуманенными глазами.

Эти глаза можно было даже вынуть из глазниц. Они были как будто аккуратно вырезаны, но нетронуты. И стажеры, которые помоложе, кидались такими глазами, как мячиками. В этих глазах даже не было боли или страха. Я думаю, что животные просто не успевали испугаться.

Эта мошка до сих пор стоит у меня перед глазами. Я вижу, как она сидит в пробирке, как ползает по стеклу, как расправляет крылышки парой задних лапок – всегда вначале правое крыло, потом левое. Я вижу как она чешет голову передними лапками, причем голова наклоняется так, что кажется прикрепленной на тонкой ниточке. Это было отвратительно. Поэтому я ушел оттуда и пришел сюда.

Конечно, такая мошка не годилась для военного использования. Она бы сожрала и своих и чужих, пошла бы дальше и сожрала бы всю планету. Тем не менее, проект не уничтожили. Ее гены хранятся и готовы к употреблению. Я пытался их разубедить, ведь всем было понятно, что мошку нужно уничтожить. Но там были люди, которые работали над мошкой по десять или пятнадцать лет, которые начинали с самого начала. Конечно, они не соглашались уничтожить главный труд своей жизни. Я даже думаю, что если бы принято было решение уничтожить мошку окончательно, они бы похитили и спрятали генетический материал. В крайнем случае, они бы восстановили все по памяти в одной из частных лабораторий. Вот в этом главная проблема: не в монстрах, которых мы создаем в пробирках. Проблема в тех монстрах, которых мы создаем в собственных мозгах. Проблема в том, что всегда найдутся стажеры, которым нравится кидать еще теплые глаза.

– Это здорово, – сказал шеф, – и последний вопрос: вы будете работать?

– Да ладно, я буду работать, – ответил Гектор, – конечно буду.

– Что вас подтолкнуло к этому?

– Наверное, личные причины.

– Да ну?

– Я могу ничего не делать, но я не могу заставить себя не думать. Я думал, думал, и нашел ответ. И теперь я знаю, что у короля растут рога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.